

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.А. Нисневич

**РЕГЕНЕРАЦИЯ НОМЕНКЛАТУРЫ
КАК ПРАВЯЩЕГО
СОЦИАЛЬНОГО СЛОЯ**

Препринт WP14/2015/03

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2015

УДК 323.3
ББК 66.3(2Рос)11
Н69

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

Нисневич, Ю. А.

Регенерация номенклатуры как правящего социального строя [Текст] : препринт WP14/2015/03 / Ю. А. Нисневич ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 56 с. – (Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ»). – 75 экз.

События начала 90-х годов XX в., в ходе которых произошел крах советского (коммунистического) режима, распад СССР и образование нового государства – Российской Федерации, или постсоветской России, носили революционный характер. Действительно, в полном соответствии с современной теорией революции эти события были направлены не только на преобразование политических и государственных институтов, но и на новое обоснование политической власти в обществе в результате изменений его социальной структуры и смены правящей элиты, а точнее правящей социальной группы или слоя.

Для того чтобы оценить результаты революции, необходимо, в том числе, определить, что представлял собой правящий слой, на смену которого революция была направлена, и произошла ли реальная смена этого слоя.

Результаты исследования показали, что сегодня постсоветской Россией правит российская номенклатура, которая, хотя и имеет некоторые достаточно существенные отличия от номенклатуры советской, является ее прямой наследницей.

УДК 323.3
ББК 66.3(2Рос)11

Ключевые слова: номенклатура, элиты, правящий социальный строй, советское наследие, постсоветская Россия

Нисневич Юлий Анатольевич, профессор департамента политической науки факультета социальных наук, ведущий научный сотрудник Научно-учебной Лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Нисневич Ю. А., 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

Введение

События начала 90-х годов XX в., в ходе которых произошел крах советского (коммунистического) режима, распад СССР и образование нового государства – Российской Федерации или постсоветской России, носили революционный характер. Действительно, в полном соответствии с современной теорией революции¹ эти события были направлены не только на преобразование политических и государственных институтов, но и на новое обоснование политической власти в обществе в результате изменений его социальной структуры и смены правящей элиты, а точнее правящей социальной группы или слоя.

Для того чтобы оценить результаты революции, необходимо, в том числе, определить, что представлял собой правящий слой, на смену которого революция была направлена, и произошла ли реальная смена этого слоя.

Советская номенклатура: механизм формирования и онтологические свойства

Правление советских режимов в СССР и других социалистических государствах осуществлялось господствующим социальным слоем, который М. Восленский обозначает как «класс номенклатуры»², а М. Джилас – как «новый класс»³.

В СССР советская партийно-хозяйственная номенклатура, номенклатурные кадры зародились в период правления И. Сталина как перечень руководящих должностей, назначение на которые утверждалось партий-

---

¹ Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 58–103.

² Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005.

³ Джилас М. Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. С. 159–360.

ными органами⁴, т.е. как бюрократическая система, которая достаточно быстро трансформировалась в господствующий социальный слой. Аналогичные, как представляется, онтологически присущие всем советским режимам процессы трансформации партийно-хозяйственной номенклатуры из бюрократической системы в социальный феномен и процессы ее жизнедеятельности как господствующего социального слоя имели место во всех социалистических государствах, о чем в частности на примере Социалистической Федеративной Республики Югославии свидетельствует М. Джилас.

Приступая к анализу такого явления, как номенклатура, принципиально важным представляется соотнесение этого понятия с понятиями «государственная бюрократия» и «элита».

Хотя значительную часть советской номенклатуры составляли государственные чиновники, но она кардинально и качественно отличалась от государственной бюрократии. Номенклатура – это социальный феномен, действительно поражающий в первую очередь государственную бюрократию, в то время как классическая государственная бюрократия – это управленческий аппарат современного государства, профессиональная корпорация. Еще в начале XX в. М. Вебер отмечал тенденцию превращения «современного чиновничества в совокупность трудящихся (Arbeiterschaft), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высоко развитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастом социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь»⁵.

Государственная бюрократия как управленческий аппарат и носитель рациональных форм организации, прежде всего исполнительной власти, необходима в любом государстве. Государственная бюрократия в идеале представляет собой иерархически организованную структуру, механизмы формирования и вертикальной мобильности, кодекс корпоративного поведения, дисциплины и этики которой основан на меритократическом принципе профессионализма. Государственная власть представляет для

---

⁴ Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ, 2003. С. 745.

⁵ Вебер М. Политика как призвание и как профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 643–706.

бюрократии, прежде всего, сферу применения профессиональных знаний и опыта, хотя на практике и имеют место известные негативные тенденции и, в первую очередь, такие наиболее опасные для общественных интересов, как административная (должностная, бюрократическая) коррупция и nepотизм, обусловленные стремлением чиновников использовать власть в личных и групповых интересах.

Как писал М. Восленский⁶, «она (номенклатура) старательно маскируется под обычный административный аппарат и готова молчаливо согласиться с тем, чтобы ее принимали за любую категорию этого аппарата – только бы не было раскрыто то, что она класс. ... По существу же между чиновничеством и номенклатурой нет ничего общего. В этом легко убедиться, поставив вопрос: кто является определяющей силой для чиновничества и для номенклатуры, чью волю они выполняют? Тут и выяснится, что чиновники выполняют приказы государственных органов, тогда как номенклатура сама диктует свою волю этим органам – через решения, мнения и указания руководящих партийных инстанций. Чиновники – привилегированные слуги, номенклатурщики – самовластные господа».

Что касается понятия «элита», то, исследуя концептуальную проблему адекватного использования этого термина в политической науке, Дж. Сартори доказал⁷, что введенный В. Парето термин «элита» предполагает в первую очередь меритократический (ценностный), а не альтиметрический критерий выделения контролирующего власть меньшинства. Меритократический критерий, критерий заслуги исходит из того, что «некто не потому оказывается наверху, что обладает властью, а как раз наоборот – лицо обладает властью и находится наверху потому, что того заслуживает». Альтиметрический критерий «сводит дело к оправданию фактического положения вещей: кто наверху, тот наверху, а кто там находится – тот и “могуществен”, он обладает властью и властвует».

Во французском языке, из которого термин «elite (элита)» и был привнесен в науку В. Парето, это понятие имеет исключительно ценностное значение и обозначает «людей, которые благодаря их собственной ценности занимают первый ряд»⁸, т.е. входят в особую социальную группу благодаря их личным и профессиональным качествам, достоинству и компетентности. Ценностное значение понятие «элита» имеет и в рус-

---

⁶ Восленский М. Номенклатура. С. 133–134.

⁷ Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. 1993. № 2. С. 80–89.

⁸ Micro Robert. Dictionnaire du français primordial, 1980. P. 352.

ском языке, в котором оно раскрывается как «лучшие представители какой-нибудь части общества, группировки»⁹.

Дж. Сартори отмечает: «Несомненно, Парето остановил свой выбор на термине “элита” потому, что вместе с этим словом во французский и итальянский – два его родных языка – вносилась латинская коннотация *eligere* (слово подразумевает отбор, выбор с разборчивостью), а с нею вместе, хотя и опосредованно, изначальный смысл греческого *dristoi* – лучшие по достоинствам (не по рождению). Таким образом, вводимое Парето понятие является в первую очередь качественным, а имплицитно становится альтиметрическим. Без сомнения, эта импликация дает ключ к паретианскому «круговороту элит». В самом деле, когда заслуги и власть совмещены, мы наблюдаем состояние устойчивого общественного равновесия; когда они оказываются разведены – наступает неравновесие, порождающее круговорот: элиты «де-факто», т.е. альтиметрические, вытесняются элитами «по способностям», т.е. подлинными элитами. Хотя, таким образом, и можно сказать, что концепция Парето была и меритократической, и альтиметрической, тем не менее оба критерия связаны между собой именно в таком порядке, и победителем у Парето в конечном счете всегда в истории оказывается элита по способностям, а не элита у власти»¹⁰.

В отечественной политической науке понятие «элита» используется преимущественно в альтиметрическом смысле (кто «наверху» правит, тот и элита). Такая интерпретация этого понятия была и остается выгодной и лестной любой правящей социальной группе, в том числе и номенклатуре, которая ни по механизму своего формирования, ни по своим онтологическим свойствам, которые будут рассмотрены далее, меритократической элитой не является. Использование понятия «элита» даже в альтиметрическом смысле создает правящей социальной группе некий ореол исключительности и избранности и в определенной мере обосновывает ее правление и доминирующее положение в обществе.

Для описания конструкции советской номенклатуры М. Восленский предложил стереометрическую модель в виде конуса с конической же сердцевиной: «На поверхности параллельными основанию окружностями будут отмечены границы: от номенклатуры райкомов внизу до номенклатуры ЦК на верху внешнего конуса и от райкомов внизу до ЦК КПСС на верху сердцевины (самая ее верхушка обозначает Политбюро, а вер-

⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. С. 741.

¹⁰ Сартори Дж. Вертикальная демократия. С. 82.

шина конуса – Генерального секретаря ЦК). Однако монолитными частями модели являлись бы не параллельные срезы (комитет плюс его номенклатура), а сами два разнимающихся конуса. Классотворная сердцевина номенклатуры сделана как бы из особого материала, отличного от сравнительно рыхлого тела внешнего конуса. Это тело не только создано сердцевиной – различными ее отрезками, но и держится, как на стержне, на сердцевине в целом. ... В модели правильнее всего, видимо, представить кагебистскую и военную номенклатуру в виде гребней у основания конуса, непосредственно отходящих от центрального стержня – партаппарата. Третьим таким гребнем, меньшим по значению и, следовательно, по размеру модели будет номенклатура органов пропаганды (печать, радио, телевидение, так называемые творческие союзы, общество «Знание» и т.д.). Четвертый гребень, примерно такого же размера, – номенклатура внешнеполитической службы. ... Главная опора класса номенклатуры – полицейский террор и военная сила, но пропаганда и внешнеполитическая служба тоже призваны оказывать поддержку. Дополненный таким образом в нашей модели конус номенклатуры приобретает очертания ракеты с четырьмя стабилизаторами: двумя большими и двумя поменьше. ... Сконструированная выше коническая модель номенклатуры, конечно, условна. Социальные тела не имеют четких очертаний геометрических тел. Если бы на основании точных статистических данных о составе и количестве номенклатуры вычернить соответствующие кривые и вылепить по ним пространственную модель, получилось бы уродливое бугристое тело с неравномерно-многоступенчатым заостренным стержнем. Однако в принципе и само тело, и его стержень были бы конусообразными»¹¹.

В СССР, особенно в период так называемого брежневского «развитого социализма», номенклатура захватила все сферы жизнедеятельности советского общества и государства, и не только партийно-государственный аппарат, армию, милицию и спецслужбы, но и сферы производственной и хозяйственной деятельности, науки, образования, культуры и другие.

«Партийно-советский колпак, – который как писал еще в 1927 г. С. Португейса¹², – стал невыносим и на этой почве растет глубокий разрыв между населением и властью» в социальном контексте – это и есть конус номенклатуры, который накрыл всю страну. Хотя по очень приблизительно-

---

¹¹ Восленский М. Номенклатура. С. 168–175.

¹² Кара-Мурза А.А. Первый советолог русской эмиграции: Семен Осипович Португейс (1880–1944). М.: Генезис, 2006. С. 61.

ным подсчетам М. Восленского советская номенклатура «вместе с чадами и домочадцами» составляла всего порядка трех миллионов человек, менее полутора процентов населения СССР, но «вот эти-то полтора процента объявили себя руководящей и направляющей силой советского общества, умом, честью и совестью нашей эпохи, творцом и организатором всех побед советского народа»¹³.

Онтологические свойства номенклатуры как социального слоя определяются, прежде всего, механизмом ее формирования.

Формальный механизм формирования номенклатурных кадров в СССР состоял в назначении на руководящие должности по решению органов КПСС, но фактически такие назначения осуществлялись по протекции конкретных партийных функционеров соответствующего уровня партийной иерархии и только оформлялись решениями партийных органов. При этом партийные функционеры всех уровней стремились в первую очередь предоставить руководящие должности, находящиеся в сфере их влияния, родственникам, друзьям и кадрам, проверенным на личную преданность. Таким образом, реальным механизмом формирования номенклатуры служил протекционистский механизм назначения на руководящие должности, исходя, прежде всего, из критерия личной преданности, т.е. такая неформальная практика как кумовство (непотизм), представляющее собой один из видов коррупционных деяний. При этом процессы формирования и деятельности советской номенклатуры полностью контролировались монопольно правящей КПСС, обладавшей вертикально централизованной, иерархической структурой, хотя номенклатурные методы подбора и расстановки кадров непосредственно зародились и получили широкое распространение, прежде всего, в самой партийной среде.

Принципиально важным является то, что вертикальная карьерная мобильность в СССР могла осуществляться за редкими исключениями только за счет поэтапного продвижения по иерархическим уровням конуса номенклатуры, при котором допускался переход не только из внешней оболочки в сердцевину конуса, но и наоборот, но только на более высокий номенклатурный уровень. Советская номенклатура в целом контролировала все каналы вертикальной мобильности, но внутри конуса номенклатуры между различными номенклатурными группировками и кланами постоянно велась ожесточенная борьба за продвижение вверх по

---

¹³ Восленский М. Номенклатура. С. 155–156.

иерархическим ступеням и соответственно за контроль каналов вертикальной мобильности.

Вот как описывает в этом контексте советскую систему М. Джилас: «В ней образуются неприступные круги, замкнутые на политических вождях и инстанциях. Вся политика сводится к трениям внутри этих сфер, где процветают кумовство и клановость»¹⁴.

Номенклатура представляла собой конкурентную социальную среду. В этой среде борьба за доминирующее положение происходила между кланами и их группировками, которые формировались на основе персональных родственных, образовательных и производственных связей, принципов землячества, национальной и социальной близости, но ключевым всегда оставался принцип личной преданности данному клану и его лидерам. Однако такая преданность не являлась абсолютно постоянной, так как умение вовремя предать и примкнуть с целью карьерного роста к той группировке, которая в текущей ситуации завоевывает доминирующее положение, «хождение по трупам» служило основным механизмом вертикальной мобильности в номенклатурной среде. Как пишет М. Джилас, «способность «идти по трупам» – одна из определяющих черт образа жизни, коренная предпосылка служебного роста»¹⁵.

В советской номенклатуре процесс конкуренции кланов и группировок, так же как и вертикальной мобильности их членов, носил иерархически упорядоченный и системно регулируемый характер, так как этот процесс жестко регулировала и контролировала вертикально централизованная структура ее внутреннего стержня – КПСС.

М. Восленский полагает, что основной и единственной целью советской номенклатуры являлась власть как таковая, что советский номенклатурщик «...фанатик власти. Это не значит, что ему чуждо все остальное. По природе он отнюдь не аскет. ... Но не в этом радость его жизни. Его радость, его единственная страсть – в том, чтобы сидеть у стола с правительственной “вертушкой”, визировать проекты решений, которые через пару дней станут законами; неторопливо решать чужие судьбы... Или приехать на заседание своих подчиненных: маститых ученых или видных общественных деятелей с громкими именами, сесть скромно в сторонке – и спокойно, с глубоким скрытым удовольствием наблюдать,

---

¹⁴ Джилас М. Новый класс. С. 241.

¹⁵ Там же. С. 221.

как побегут к нему из президиума маститые и видные просить указаний»¹⁶.

Однако этот тезис М. Восленского представляется не совсем верным, так как не только власть как таковая являлась целью для большинства советской номенклатуры. Советская номенклатура не только в период брежневского «развитого социализма», но и на всех стадиях своего развития стремилась посредством обладания властью достичь личного материального обогащения и социального превосходства, была откровенно цинична, меркантильна и именно поэтому в существенной степени коррумпированна.

В условиях, когда деньги в административно-командной экономике при перманентном дефиците товаров и услуг не играли определяющей роли, для самообогащения номенклатура использовала ею же самой созданную систему материальных льгот и привилегий (квартиры, машины и дачи, привилегированные дома отдыха и санатории, закрытые распределители продуктов, товаров и услуг). Как пишет М. Джилас, «захвачено было все: дачи, лучшие квартиры, мебель и т.п. Высшая бюрократия, элита нового класса, жила в особых районах, отдыхала на особых закрытых курортах. Партийный секретарь и шеф тайной полиции сделали повсеместно не только высшей властью, но и людьми, которым принадлежат лучшие квартиры, машины и прочее. Вслед за ними по служебному ранжиру выстраивались остальные. Государственные средства, “подарки”, строительство и переоборудование якобы для нужд государства и целей представительства – все это вечные, неиссякаемые источники благ, предназначенные для политбюрократии»¹⁷.

Система благ и привилегий номенклатуры – это безденежная, но вполне материальная форма «коррупции по-советски», требования отмены которой послужили одним из катализаторов массовых протестных выступлений против советских режимов, в том числе и в СССР, в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века.

Эта система обеспечивала неправомерное распределение в пользу номенклатуры для ее материального и социального обогащения государственных ресурсов и так называемой общенародной собственности, которой, как отмечает М. Джилас¹⁸, она фактически владела, пользовалась и распоряжалась. Возможность бесконтрольно, по своему усмотрению

---

¹⁶ Восленский М. Номенклатура. С. 116–117.

¹⁷ Джилас М. Новый класс. С. 217–218.

¹⁸ Там же. С. 220.

управлять так называемой общенародной или социалистической собственностью служила экономической основой жизнедеятельности советской номенклатуры. Этот факт подтверждает и М. Восленский: «Социалистическая собственность – это собственность класса номенклатуры. Это и есть общее, что объединяет государственную, колхозно-кооперативную собственность и собственность общественных организаций и позволяет легкие переходы из одной формы в другую, простые как перекалывание из кармана в карман в одном пиджаке. Сами же эти так называемые “формы социалистической собственности” – всего лишь формы управления со стороны класса-владельца»¹⁹.

Едиственное, что не могла делать советская номенклатура с социалистической собственностью, – это передавать ее по наследству, хотя так называемую личную собственность, приобретенную посредством системы льгот и привилегий (квартиры, дачи, машины и другое), а также накопленные «непосильным трудом на благо обществу» за счет высокой заработной платы денежные средства и материальные ценности (ювелирные украшения, предметы искусства и другое) по наследству передавались и накапливались в номенклатурных семьях. Но номенклатура нашла решение проблемы наследования, если и не непосредственно социалистической собственности, то прав ею управлять и распоряжаться. Используя кумовство и номенклатурные связи, номенклатурщики стали предоставлять своим детям номенклатурные должности, создавать наследственную номенклатуру. Множество примеров предоставления номенклатурных должностей детям высших должностных лиц советской партийно-хозяйственной номенклатуры в период «развитого социализма» приводит М. Восленский, отмечая при этом, что «правлящий класс номенклатуры в СССР все явственнее начинает переходить к самовоспроизводству. Да, номенклатурная должность не наследуется. Но принадлежность к классу номенклатуры становится на наших глазах фактически наследственной»²⁰.

Принципиальное значение для анализа номенклатуры как господствующего в СССР социального слоя имеет тот факт, что, несмотря на сознательно распространяемые сегодня мифы об отсутствии преступности и коррупции при советском режиме, сведения, приводимые его непосредственными акторами, свидетельствуют об обратном.

---

¹⁹ Восленский М. Номенклатура. С. 185.

²⁰ Там же. С. 164–168.

Так, из доклада прокурора СССР Г. Сафонова руководству страны в 1948 г.²¹ следовало, что вся советская судебная система снизу доверху поражена коррупцией: «Докладываю, что за последнее время Прокуратурой СССР вскрыты многочисленные факты взяточничества, злоупотреблений, сращивания с преступными элементами и вынесения неправосудных приговоров и решений в судебных органах Москвы, Киева, Краснодара и Уфы. Расследованием установлено, что эти преступления совершались в различных звеньях судебной системы, а именно в народных судах, Московском городском суде, Киевском областном суде, Краснодарском краевом суде, Верховном суде РСФСР и, наконец, в Верховном суде СССР... В Верховном суде РСФСР также вскрыты факты взяточничества и других злоупотреблений. Следствием установлено, что этим преступлениям способствовала нездоровая обстановка семейственности, существовавшая в аппарате Верховсуда».

Как свидетельствует бывший секретарь ЦК КПСС А. Яковлев²², в СССР перед крахом советского режима во всей стране царил «коррупция, обман, дезинформация», а «кумовство, взяточничество, казнокрадство в той или иной мере поразили почти всю номенклатуру», обострилась обстановка с преступностью, которая «к 1988 году приобрела угрожающий характер».

М. Джилас характеризует советское руководство следующим образом²³: «Карьеризм, страсть к роскоши, властолюбие. Столь же неизбежна тенденция к коррупции. Не той – чиновничьей, которой у коммунистов возможно, даже меньше, чем было в прежнем государстве. Речь о коррумпировании опять-таки особом: при власти, отданной на откуп одной политической группе и являющейся одновременно источником всех привилегий, “радение” о “своих людях”, в меньшей или большей мере заслуженных, назначение их на “выгодные” должности и распределение между членами партии всевозможных благ становятся нормой. отождествление власти и партии с государством (практически – с собственностью) как раз и делает коммунистическое государство, если так можно выразиться, самокоррумпирующимся, неумолимо плодящим привилегии и паразитические функции».

---

²¹ Жирнов Е. Преступная деятельность судебных работников // Коммерсантъ Власть. 2009. № 45 (849). 16 ноября. <http://www.kommersant.ru/doc/1269865>.

²² Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк, 2003. С. 564, 683.

²³ Джилас М. Новый класс. С. 240.

Следует отметить и такую широко распространенную как в советском обществе в целом, так и, в первоочередном порядке, в номенклатурной среде, неформальную, коррупционную по своей сути практику, получившую название «блат». Блат можно определить как использование личных контактов (каналов, сетей) для получения доступа к общественным ресурсам: товарам, услугам, источникам дохода (образование, рабочие места, должности и т.д.) и привилегиям в обход формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам, как правило, относящимся к сфере личного потребления²⁴. Блат не предполагал использования собственных ресурсов для оказания «услуг доступа» и оказание таких услуг базировалось на неправомерном использовании служебного положения и полномочий, что аналогично коррупционной практике.

Таким образом, государственная власть представляла для номенклатуры преимущественно средство для удовлетворения ее материальных и социальных устремлений, а основу ее жизнедеятельности составляло использование в личных корыстных целях должностных полномочий и административного ресурса государственной власти. Но именно неправомерное использование ресурса власти в целях личной или групповой выгоды является институциональным механизмом коррупции²⁵. И, следовательно, номенклатура – это носитель как классических, так и специфических, порожденных советским авторитарным режимом форм коррупционных отношений и коррупционных практик управления государством.

При этом следует еще раз обратить внимание на то, что, как справедливо отмечает М. Восленский, «номенклатура – не чиновничество, а класс, причем класс господствующий. Упразднить ее можно не рескриптом номенклатурного же органа, а изменением структуры общества»²⁶. А изменение социальной структуры общества есть одна из основных целей и признаков социальной революции²⁷.

---

²⁴ Леденева А.В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе // Мир России. 1997. № 2. С. 89–106; Ledeneva Alena V. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge University Press, 2013.

²⁵ Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. М.: КНОРУС, 2012. С. 109.

²⁶ Восленский М. Номенклатура. С. 168.

²⁷ Глодстоун Дж. К теории революции четвертого поколения.

Движущие силы революции 90-х: взаимоотношения демократического движения и советской номенклатуры

Движущими силами революционных событий начала 90-х годов XX в. в СССР, которые, как представляется, можно рассматривать как современную «ненасильственную революцию»²⁸, выступили две разные социальные группы.

С одной стороны, сравнительно небольшая, но активная, демократически настроенная часть советского общества, в основном проживающая в двух столицах и крупных научно-промышленных центрах и частично вскормленная идеями диссидентского движения. А с другой стороны – обладавшая конкретными политическими, организационными и информационными ресурсами часть советской партийно-хозяйственной номенклатуры, которая в условиях «старения» советского режима и геронтологического окостенения вершины номенклатурной пирамиды не видела для себя реальных перспектив быстрого карьерного роста и продвижения в высшие эшелоны власти.

По характеру социальных движущих сил революция 90-х скорее может быть отнесена к элитным революциям, так как ее осуществляла некоторая, элитная в меритократическом смысле часть советского общества и часть альтиметрической элиты – средние и нижние слои номенклатуры, и поэтому эта революция может быть определена как номенклатурно-демократическая.

Обе движущие силы номенклатурно-демократической революции в принципе сходились в том, что советская система тотального государства и административно-плановой экономики, очевидно, становилась все более и более неэффективной в смысле перспектив развития страны. Робкие и непоследовательные попытки как-то модернизировать эту систему изнутри в период «горбачевской перестройки» не приносили ощутимых результатов, и страна погрузилась в пучину глубокого многоаспектного кризиса²⁹.

---

²⁸ Глодстоун Дж. К теории революции четвертого поколения; Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2012.

²⁹ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.

При этом в демократическом движении первоначально доминировало представление о том, что главной и основной задачей является отмена ст. 6 Конституции СССР 1977 г. о руководящей и направляющей роли КПСС и устранение тем самым ее монополии на власть в стране. Одним из основных инициаторов кампании за отмену этой статьи выступал А. Сахаров. Однако после изменения в марте 1990 г. на III Внеочередном съезде народных депутатов СССР редакции этой статьи и введения в нее нормы, допускающей наличие других кроме КПСС партий, проблем меньше не стало, и революционный протест против советского режима с требованиями полностью демонтировать советскую политическую систему продолжал нарастать. При этом о демократических принципах устройства и функционирования государства, о рыночной экономике, о необходимых коренных политических и социально-экономических преобразованиях и связанных с их осуществлением политических, экономических и социальных проблемах подавляющее большинство не только рядовых участников, но и лидеров демократического движения имело лишь самые отдаленные представления. Причем, как показал дальнейший ход событий, эти представления во многом диаметрально расходились.

Прогрессистски настроенная часть советской номенклатуры и, прежде всего, средние и только начавшие подъем по карьерной лестнице нижние слои советской партийно-государственной бюрократии были заинтересованы в скорейшем устранении закостенелых высших руководящих слоев и партийных бонз, так как только это и могло предоставить им расширение возможностей для ускорения личной вертикальной мобильности.

Таким образом, общественное демократическое движение и прогрессистски настроенная часть советской номенклатуры выступили как партнеры и союзники в решении только одной общей для них задачи – изменения действовавшей системы политического и государственного управления, создания новых политических и государственных институтов. Причем ведущая роль в этом союзе сначала принадлежала демократическому движению.

В результате провала августовского путча 1991 г. и последовавшего за ним распада СССР к власти в России, ставшей суверенным государством, пришел конгломерат лидеров демократического движения, называемых «демократами первой волны», и представителей прогрессистски настроенной части советской партийно-хозяйственной номенклатуры,

прежде всего, из состава партийно-государственной бюрократии, возглавляемый типичным представителем этой бюрократии Б. Ельциным.

Этот революционный конгломерат, поддерживаемый реформаторски настроенной частью российского общества, прежде всего, в лице ее самого массового общественно-политического объединения – созданного в 1990 г. движения «Демократическая Россия», вступил в жесткое политическое противостояние с консервативной частью советской номенклатуры, опирающейся на традиционалистски в смысле почти религиозной, ностальгической веры в советскую систему и «светлое» коммунистическое прошлое настроенную часть общества. Интересы консервативной части советской номенклатуры, которая стремилась сохранить свое господствующее положение и в структурах российской государственной власти, выражали Верховный Совет РСФСР, сформированный еще при советском режиме в 1990 г. и подавляющее большинство в котором не менее чем в 60–70% составляли представители советской номенклатуры³⁰, а также российский осколок КПСС – КП РСФСР (И. Полозков, В. Купцов)³¹.

Такое политическое противостояние стимулировалось и начавшейся в 1992 г. приватизацией государственной собственности. Приватизация проводилась в соответствии, прежде всего, с базовым Законом РСФСР № 1531-1 от 3 июля 1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» с последующими изменениями и дополнениями и другими законами, входившими в пакет нормативных правовых актов о приватизации, который был утвержден Постановлением Верховного Совета РФ № 2980-1 от 11 июня 1992 г. За основу была взята модель бесплатной ваучерной приватизации. Предприятия должны были преобразовываться в акционерные общества, а граждане получить приватизационные чеки – ваучеры, служившие средством для покупки акций. Каждый гражданин России получил ваучер с номиналом в десять тысяч рублей (эта цифра была получена как результат простого деления балансовой стоимости подлежащих приватизации предприятий на число жителей России). Ваучерная приватизация была придумана еще в 1981 г.

---

³⁰ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 145–154.

³¹ Коммунистическая партия РСФСР (КП РСФСР) была образована в составе КПСС в июне 1990 г., запрещена вместе с КПСС после путча в августе 1991 г., но фактически продолжала свою деятельность и до снятия запрета Конституционным Судом РФ в ноябре 1992 г. В феврале 1993 г. была восстановлена под названием Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) во главе с Г. Зюгановым.

В. Найшулем и описана в его «самиздатовской» книге «Другая жизнь»³². В эту схему главный российский приватизатор А. Чубайс внес лишь одно, но существенное изменение – заменил именные по первоначальному замыслу чеки на обезличенные.

Определяющим для характера приватизации, естественно, стал базовый закон, в котором почти механически были совмещены разнонаправленные интересы различных социальных групп. Во-первых, членов трудовых коллективов приватизируемых предприятий, которые были еще одурманены большевистским, а исторически более точно левозеровским лозунгом «фабрики – рабочим» и считали, что эти предприятия, в первую очередь, должны принадлежать им. Во-вторых, советских директоров, которые многие годы управляли этими предприятиями и поэтому были абсолютно уверены в том, что лучше них с их опытом и знаниями никто не справится с обязанностями хозяев предприятий. В-третьих, всех остальных граждан, которые не работали на приватизируемых предприятиях, но претендовали на свою долю в «общенародной собственности». И, в-четвертых, новых предпринимателей, которые полагали, что именно они смогут стать самыми эффективными собственниками. В рамках базового закона каждой из этих четырех групп были предоставлены, по сути, неравные права и возможности. Для трудовых коллективов поборники уравнительной социалистической справедливости – коммунисты – дополнительно придумали «вторую модель» приватизации, по которой контрольный пакет акций предприятия на льготных условиях могли приобретать его работники. Для директоров была предусмотрена «третья модель», позволявшая руководству предприятий выступать в качестве «инициативной группы» и выкупать по символической цене 20% акций предприятия по согласованию с трудовым коллективом. Все остальные граждане получали мало кому понятные чеки-ваучеры, а новые предприниматели – возможность их покупать для последующего обмена на акции приватизируемых предприятий на чековых аукционах.

Доминирующая политическая цель такой приватизации состояла в лишении консервативной части советской номенклатуры, выступавшей в качестве ведущей антиреформаторской силы, ее экономической базы – общенародной или социалистической собственности. Эту приватизацию, механизмы реализации которой определялись, прежде всего, политической целесообразностью, а не продуманными экономическими и соци-

---

³² Найшуль В.А. Революция и справедливость. М.: ОГИ, 2005. С. 16.

альными последствиями, сами ее авторы и исполнители достаточно красноречиво назвали «приватизацией по-русски». И надо отдать им должное – они особо и не скрывали цели такой приватизации, которая «на 95 процентов была вопросом политики и только на 5 – экономики»³³.

К моменту завершения летом 1994 г. первого – чекового – этапа приватизации две третьих ВВП России производились в негосударственном секторе экономики и при этом три четверти промышленных предприятий оказались приватизированными по «второй модели», т.е. их собственниками, обладающими контрольными пакетами, стали трудовые коллективы, заинтересованные больше всего в повышении заработной платы, а не в развитии производства³⁴. Поэтому акции приватизированных таким льготным образом предприятий затем в массовом порядке достаточно быстро и дешево продавались их работниками и скупались теми, у кого для этого были не только финансовые, но и организационные возможности и, прежде всего, хорошо налаженные личные, как правило, номенклатурные связи с руководством предприятий.

В приватизированные по «второй модели» предприятия членами их трудовых коллективов (и их родственниками) либо по закрытой подписке, либо на чековых аукционах было вложено 50% всех розданных чеков. Еще 25% чеков было продано самими их владельцами, как правило, скептически относившимися к приватизации, частным юридическим лицам, которые стали основными игроками чековых аукционов. Остальные 25% были вложены в чековые инвестиционные фонды³⁵.

Чековые инвестиционные фонды (ЧИФ), которые предназначались для того, чтобы сосредоточить у себя ваучеры, обменять их на акции предприятий и предоставить гражданам, ставшим в обмен на свои ваучеры владельцами акций ЧИФов, возможность получать по ним дивиденды, А. Чубайс считает «одним из самых серьезных наших “проколов”». Как он констатирует, впад в некую эйфорию от создания самой структуры ЧИФов, организаторы приватизации упустили из поля своего зрения контроль за их деятельностью³⁶. Подавляющее большинство ЧИФов бесследно исчезло, а приобретенные ими акции промышленных предприятий темными окольными путями оказались в руках частных

---

³³ Приватизация по-русски / колл. авт. М.: Вагриус, 1999. С. 350.

³⁴ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. С. 611.

³⁵ Приватизация по-русски. С. 137.

³⁶ Приватизация по-русски. С. 186.

лиц, как правило, тем или иным образом связанных с государственными чиновниками.

Торопливая и не в полной мере законодательно обеспеченная приватизация вместо «народного капитализма» на практике открыла дорогу для ускоренной концентрации капитала и собственности в руках немногочисленной (по весьма приблизительным расчетам авторитетных экономистов – не более 10 тыс. человек) группы предприимчивых дельцов, тесно связанных с чиновным миром³⁷.

В процессе начавшейся приватизации часть номенклатурных кадров из числа советских хозяйственных руководителей, но, прежде всего, молодых партийных и комсомольских работников, уже почувствовавших вкус к экономической свободе в ходе начавшегося во второй половине 80-х годов кооперативного движения, успешно конвертировала свои связи и положение в структурах федеральной и региональной власти в первоначальный капитал и частную собственность. Именно такой номенклатурный, по своей технологической и социальной сути, механизм первоначального накопления капитала и приобретения собственности являлся основным механизмом «приватизации по-русски». Из таких номенклатурных кадров и начало формироваться новое российское предпринимательское сообщество, которое стало активно теснить в экономической сфере «красных директоров», составлявших экономическую опору и влиятельную группу советской номенклатуры, придерживавшуюся в основной своей массе консервативных, традиционалистских позиций.

Номенклатурный генезис «приватизации по-русски» подтверждает и ее главный организатор А. Чубайс: «И наши “новые русские” – они либо из старого советского директората, со всеми его минусами и плюсами. Либо из бывших кооператоров и всяких прочих коммерсантов от перестройки. Либо из представителей бывших региональных политических элит. У всех у них свои “родимые пятна”, но именно из них и редуцируется реальный стратегический собственник»³⁸.

Однако «родимое пятно» у «новых русских» оказалось общее – номенклатурное, поэтому «реальным стратегическим собственником» они так и не стали. Механизм капитализации номенклатурных связей и личного статуса в системе отправления государственно-властных полномочий успешно действует и в настоящее время. Это дало Г. Каспарову осно-

³⁷ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. С. 613.

³⁸ Приватизация по-русски. С. 363.

вание справедливо утверждать в одном из своих публичных выступлений, что в современной России существуют только «назначенные собственники». К этому можно добавить и то, что в постсоветской России реально и в значимом объеме не начали функционировать и до сих пор не функционируют рыночные механизмы перераспределения собственности как смены в результате экономической конкуренции неэффективных собственников. По утверждению В. Найшуля, «мы до сих пор живем в ситуации административного рынка. То, что сделал Гайдар, – он его “оденежил”. Деньги играли не очень большую роль. Стали играть очень большую роль. Власть и другие компоненты как играли большую роль, так и продолжают ее играть»³⁹. При этом следует отметить, что после «оденевания» административного рынка специфические, порожденные советским авторитарным режимом коррупционные практики управления государством, носителем которых являлась номенклатура, быстро и легко стали встраиваться в традиционные схемы и практики коррупции.

Переломными моментами в политическом противостоянии, грозившем перерасти в полномасштабный вооруженный конфликт, стали трагические события сентября – октября 1993 г., во многом обусловленные тем, что в новом суверенном государстве и новой политической реальности продолжала действовать прежняя, хотя и несколько измененная Конституция РСФСР и установленные ею прежние советские политические и государственные институты. И только принятие на всенародном референдуме новой Конституции Российской Федерации с одновременным проведением выборов в Государственную Думу первого созыва 12 декабря того же года кардинально изменило политическую ситуацию, создав конституционно-правовые основания для построения новых политических и государственных институтов, что по теории революции⁴⁰ является одной из двух ее основных целей.

Уже в ходе революционных событий 1991–1994 гг. начался процесс формирования новой российской государственной бюрократии, которая достаточно быстро стала приобретать знакомые номенклатурные очертания. Представители прогрессистской части советской номенклатуры, пришедшие во власть вместе с представителями демократического движения, воссоздали в президентских и правительственных структурах, сформированных после избрания Б. Ельцина в июне 1991 г. президентом

³⁹ Найшуль В.А. Революция и справедливость. С.14.

⁴⁰ Глодстоун Дж. К теории революции четвертого поколения.

Российской Федерации, органически присущие им номенклатурные методы и механизмы кулуарного принятия управленческих решений, межличностных и групповых взаимодействий в процессе подготовки и принятия таких решений. Этой регенерации советских номенклатурных методов и механизмов государственного управления способствовали следующие обстоятельства.

Во-первых, под жестким давлением консервативной части советской партийно-хозяйственной номенклатуры президент Б. Ельцин вынужден был все время маневрировать и, идя на уступки Верховному Совету РСФСР, в качестве компромисса включать в состав высшего руководства страны ее представителей из числа так называемых «крепких хозяйственников». Так, уже в декабре 1992 г. во главе российского правительства произошла замена Е. Гайдара⁴¹, поддерживаемого демократическим движением, на «крепкого хозяйственника» В. Черномырдина.

Во-вторых, средние и нижние звенья российского государственного аппарата были сразу же практически полностью укомплектованы чиновниками, ранее работавшими в партийно-государственном аппарате СССР и РСФСР. Основу профессионализма таких чиновников составляло, прежде всего, владение методами бюрократического делопроизводства, кулуарного принятия решений, а также приемами аппаратных интриг. Как представляется сегодня, это был один из самых серьезных стратегических просчетов лидеров демократического движения, которые исходили из того, что для быстрого включения в работу вновь создаваемых российских структур государственного управления практически не было других кадров и другого пути, кроме привлечения знающих прежнюю хозяйственную систему советских чиновников. Они наивно полагали, что смогут заставить работать прежнюю советскую партийно-государственную бюрократию, пораженную номенклатурной заразой, в интересах новой демократической власти. По-видимому, проблему люстрации, которая прорабатывалась в демократическом движении после

---

⁴¹ Е. Гайдар возглавлял российское правительство в должности исполняющего обязанности председателя правительства РФ с 15 июня по 14 декабря 1992 г. До этого он входил в состав правительства РФ, возглавляемого президентом Б. Ельциным, в должности – с октября 1991 г. – заместителя председателя правительства РФ по вопросам экономической политики, министра экономики и финансов, с марта 1992 г. – первого заместителя председателя правительства РФ. Повторно Е. Гайдар входил в состав российского правительства с сентября 1993 г. по январь 1994 г. в должности первого заместителя председателя правительства РФ В. Черномырдина и подал в отставку в связи с началом чеченской войны.

запрета КПСС в августе 1991 г., следовало рассмотреть в аспекте не вообще всех бывших членов КПСС, что неправильно и невозможно, а в аспекте только партийно-государственных номенклатурных кадров. Попытка со стороны демократического движения провести такой тип люстрации была предпринята в 1992 г., когда депутат Г. Старовойтова внесла в Верховный Совет РСФСР одобренный III съездом движения «Демократическая Россия» законопроект «О запрете на профессии для проводников политики тоталитарного режима», в котором предлагалось подвергнуть профессиональным ограничениям работников партийного аппарата КПСС, штатных сотрудников и агентуру советских и российских спецслужб. В 1997 г. Г. Старовойтова повторно пыталась внести этот законопроект на рассмотрение Государственной Думы второго созыва (1995–1999), но он так и не был рассмотрен.

В-третьих, немногочисленные представители демократического движения, первоначально включенные во властные структуры, сделали ставку только на их персональную поддержку президентом Б. Ельциным. Они не считали необходимым и не уделяли должного внимания укреплению демократического движения как своей долговременной политической опоры и кадрового резерва для хотя бы постепенной замены номенклатурного чиновничества в структурах государственной власти. Поэтому частично новая по составу, а по сути основных механизмов функционирования старая номенклатурная среда начала достаточно быстро вытеснять их как чужеродные для нее элементы из властных структур как на федеральном, так и на региональном уровне. Номенклатурная среда интегрировала и интегрирует в свой состав только тех, кто принимает и в достаточной степени овладевает правилами и механизмами ее жизнедеятельности. Уже в 1992–1993 гг. последовали отставки таких известных «демократов первой волны» из числа членов межрегиональной депутатской группы (МДГ), как Г. Бурбулис, А. Мурашев, Г. Попов, С. Станкевич, Г. Старовойтова и другие.

Здесь представляется принципиально важным отметить, что вопреки тем мифам, которые стали в дальнейшем целенаправленно культивироваться и распространяться, люди, пришедшие во власть в период революционных преобразований из первоначальной команды президента Б. Ельцина, в своем подавляющем большинстве не были поражены заразой номенклатурного корыстолюбия. Они пришли во власть не для удовлетворения своих личных меркантильных интересов, а для того, что попытаться реализовать те, возможно, не всегда до конца продуманные

и безошибочные идеи, представления и проекты необходимых, по их мнению, политических, экономических и социальных реформ. И это принципиально отличало их от тех, в чьих руках в дальнейшем оказалась власть в постсоветской России.

Одновременно происходящие процессы подавления сопротивления консервативной части советской номенклатуры, становления российской государственной бюрократии как новой российской номенклатуры и ее размежевания с демократическим движением продолжились и после установления Конституцией 1993 г. новой демократической модели политической системы и устройства российского государства.

Переломным моментом, резко ускорившим процесс размежевания новой российской номенклатуры с демократическим движением и ее отход от либеральных и демократических принципов модернизации страны, стала начавшаяся в конце 1994 г. чеченская трагедия, которая на многие годы вперед стала одним из доминирующих факторов российской политики.

Российская номенклатура достаточно быстро освоилась и адаптировалась к условиям новой конституционной модели. И, что самое главное, достигла своей главной изначальной цели – пришла к власти в стране и практически полностью овладела всеми рычагами управления государством, хотя ее власть оставалась пока достаточно неустойчивой и хаотичной, а в ближайшем окружении президента Б. Ельцина еще сохраняли определенное влияние те, кто противостоял номенклатурным методам управления государством. Эта новая старая номенклатура, представляющая собой, по сути, маргинальную социальную группу и не превышавшая в середине 90-х годов 1–2% от всех граждан России, стала ведущей силой, определяющей и навязывающей российскому обществу направление политических, экономических и социальных трансформаций.

Определенное неудобство доставлял ей новый российский парламент, в стены которого в основном переместилась публичная составляющая политического процесса, включая продолжающееся противостояние демократического движения и консервативной части советской номенклатуры, интересы которой стала представлять восстановленная в феврале 1993 г. Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ). Но этот процесс приобрел качественно иной, уже не революционный и более системный характер парламентской деятельности по формированию нового российского законодательства. К законодательной деятельности российская номенклатура, научившаяся за предшествующее время эф-

фактивно решать свои политические и экономические проблемы путем лоббирования указов президента России, первоначально относилась очень скептически. Тем не менее, ловко лавируя между фракцией КПрФ с ее парламентскими сателлитами, парламентским болотом, ориентированным на президентскую и исполнительную власть, и демократическими фракциями во главе с либерально ориентированной фракцией «Выбор России», российская номенклатура умело добивалась в Государственной Думе первого созыва (1993–1995) удовлетворяющих ее текущие интересы и запросы законодательных решений.

В таких условиях существенно потерявшее свой революционный запал, общественное влияние, раздробленное и во многом дискредитированное не без помощи ее временных номенклатурных попутчиков и политических оппонентов демократическое движение больше не было нужно в качестве политического союзника российской номенклатуре, ориентировавшейся в процессе модернизации страны, прежде всего, на укрепление и расширение собственного господствующего положения в обществе и государстве. Тем более что к этому моменту оформилась и окрепла не только государственно-бюрократическая составляющая российской номенклатуры, но и социально близкая и тесно связанная номенклатурными связями с государственной бюрократией ее экономическая составляющая – новая российская «бизнес-элита», наиболее влиятельных представителей которой позже стали называть «олигархами». Революционный номенклатурно-демократический период практически заканчивался и победивший в стране политический режим начал преобразовываться в номенклатурно-олигархический.

Становление российской номенклатуры как правящего социального слоя: «скупка» государства

Правящий политический режим стал опираться на политико-экономические группировки, сформировавшиеся в процессе «приватизации по-русски» как на федеральном, так и на региональном уровне. Такие номенклатурно-олигархические группировки формировались путем слияния, основанного на взаимных экономических и политических интересах, чиновников федеральной и региональной государственной

бюрократии с нарождающимися финансово-промышленными группами в процессе капитализации номенклатурных связей и личного статуса руководителей этих групп как в старой советской, так и в нарождающейся российской номенклатурной среде.

Этому процессу существенным образом способствовал второй – «денежный» этап приватизации, который начал осуществляться с 1994 г. путем проведения сначала инвестиционных конкурсов, а затем залоговых аукционов. Как признает А. Чубайс⁴², «...еще одна наша ошибка – инвестиционные конкурсы. Что можно сказать по сути? Халява. Неконтролируемая. Так называемый инвестор за бесценок приобретает пакет акций предприятия, обещая, что в дальнейшем вложит в это предприятие большие деньги, и дальше за спиной государства договаривается с директором. В итоге предприятие инвестиций не получает, зато личный счет директора существенно пополняется. Понимал я, что все сложится именно так, когда затевались инвестиционные конкурсы? Понимал. Почему недостаточно эффективно душил? Политический компромисс...».

К концу августа 1995 г. доходы от приватизации составили всего около 500 млрд руб., и это притом, что к концу года должны были выйти на цифру восемь с лишним триллионов. И тогда правительство стало склоняться к идее: если акции нельзя продать, их следует заложить. Эта идея впервые прозвучала в выступлении В. Потанина на заседании правительства в марте 1995 г. как хорошо подготовленный экспромт (идея залоговых аукционов была разработана еще до выступления В. Потанина, прежде всего, проводившим в дальнейшем в должности председателя Госкомимущества РФ такие аукционы А. Кохом совместно с будущими участниками аукционов). Суть идеи заключалась в том, что государство передает коммерческим банкам на конкурсных началах во временное управление контрольные пакеты акций, прежде всего, крупнейших нефтегазовых и горно-металлургических предприятий. Банки в обмен на акции представляют правительству кредит, используемый для финансирования бюджетных нужд. По истечению определенного срока либо правительство возвращает кредит банкам, либо акции становятся собственностью этих банков⁴³.

При этом залоговые аукционы были направлены не только на решение бюджетных, но и во многом политических задач, что подтверждает

---

⁴² Приватизация по-русски. С. 187–188.

⁴³ Там же. С. 263.

А. Чубайс, раскрывая политическую подоплеку этой операции⁴⁴: «Конструкция залоговых аукционов вполне технологично была вписана и в политический график. Банки предоставили государству кредит под залог акций предприятий на определенный срок, но срок этот наступал уже после выборов президента. Учитывая огромный дефицит бюджета, было весьма вероятно, что полученные кредиты государство банкам не вернет. При этом было понятно, что в случае победы на выборах Ельцина и невозврата кредита, по договору залога предприятия перейдут в собственность банков. А в случае победы Зюганова выданные кредиты банкам не вернут, но и предприятия в собственность вряд ли отдадут. Банки оказались заложниками исхода выборов. Победа на выборах Ельцина для каждого из них определяла, станет он реальным собственником включенного в залоговые аукционы предприятия или нет. Именно эта экономическая логика и подтолкнула банкиров к соглашению в январе 1996 г. в Давосе о поддержке на выборах Б. Ельцина. Таким образом, совокупность экономических и политических факторов привела к решению о проведении залоговых аукционов. Их роль в реальном переходе контроля над экономикой в частные руки была весьма значимой. А влияние этого перехода на формирование политического расклада к выборам 1996 г. – решающим».

Всего было проведено двенадцать залоговых аукционов, доходы от которых составил 5,1 трлн руб., включая 1,5 трлн руб. погашенной задолженности предприятий государству, против предполагавшихся ранее 2–3 трлн по 29 предприятиям⁴⁵. Однако плановые доходы от приватизации в восемь с лишним триллионов рублей достигнуты так и не были, и только в четырех крупнейших аукционах цена передаваемого в залог пакета устанавливалась выше 100 млн долл.⁴⁶

В результате проведения залоговых аукционов резко изменился ландшафт российского предпринимательского сообщества, и выделилась группа наиболее богатых предпринимателей, получившая возможность вли-

---

⁴⁴ Гайдар Е., Чубайс А. Развилки новейшей российской истории. СПб.: Норма, 2011. С. 82.

⁴⁵ Там же. С. 83.

⁴⁶ Банк ОНЭКСИМ выдал правительству в кредит 170 млн долл. под залог 38% акций «Норильского никеля» и 130 млн – под залог 51% акций нефтяной компании «Сиданко». Банк МЕНАТЕП выдал правительству 159 млн долл. под залог 45% нефтяной компании «ЮКОС» и вместе со «Столичным банком сбережений» – 100 млн за 51% акций «Сибнефти» (Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. С. 619).

ять на принятие не только экономических, но и политических решений. В состав этой группы вошли: В. Алекперов (ЛУКОЙЛ), Б. Березовский (Объединенный банк, ЛОГОВАЗ), В. Виноградов (Инкомбанк), Р. Вяхирев (Газпром), В. Гусинский (Группа «Мост»), В. Малкин (банк «Русский кредит»), В. Потанин (ОНЭКСИМ-банк), А. Смоленский (Столичный банк сбережений), М. Фридман (Альфа-банк), М. Ходорковский (банк МЕНАТЕП).

Окрепнув и накопив достаточные финансовые и материальные ресурсы, финансово-промышленные группы начали оказывать заметное влияние на новую российскую власть, используя для этого не только свои прежние советские номенклатурные связи, но и порождая и укрепляя новые, стали инкорпорировать лоббистов своих интересов в структуры власти и создавать новые номенклатурно-олигархические группировки.

Таким образом, формировалась новая российская номенклатура, представляющая собой тесное переплетение государственной бюрократии и «назначенных собственников» и уходящей корнями в номенклатуру советскую. Она становилась правящим социальным слоем и главным политическим актором олигархического типа на российской политической сцене. При этом достаточно жесткая конкуренция между номенклатурно-олигархическими группировками, опирающимися на разные финансово-промышленные группы, стала тем доминирующим фактором, который начал определять ход всех политических и социально-экономических процессов. Реальная политическая конкуренция стала подменяться конкуренцией личных и групповых интересов.

Существенную роль в процессе становления российской номенклатуры как правящего социального слоя сыграло онтологически присущее ей свойство адаптивности, т.е. способности эффективно адаптироваться или, точнее, адаптировать к своим интересам и целям новые для России демократические порядки и институты.

Российская номенклатура достаточно быстро осознала, что при установленной Конституцией 1993 г. демократической модели политической системы основополагающим инструментом регулирования политических, экономических и социальных порядков становится законодательство, формируемое российским парламентом и, прежде всего, его нижней палатой – Государственной Думой. Поэтому она начала создавать эффективно работающую систему законодательного лоббирования, включающую комплекс разнообразных методов и механизмов продвижения ее

политических и экономических интересов в законодательной сфере⁴⁷. Законодательная сфера стала еще одной значимой зоной конкуренции интересов номенклатурно-олигархических группировок.

Российская государственная бюрократия раньше своих экономических собратьев по номенклатурной среде поняла, что для лоббирования законодательных интересов в парламенте более эффективным и надежным является наличие собственной псевдополитической структуры, имеющей законное право участвовать в выборах. К выборам в Государственную Думу второго созыва (1995–1999) в мае – июне 1995 г. было создано общественно-политическое движение «Наш дом – Россия» (НДР) во главе с действующим председателем правительства В. Черномырдиным, «мотором которого являлась правящая бюрократия – конгломерат чиновничьих кланов» и которым «на самом деле управляла администрация президента»⁴⁸. Эта псевдополитическая структура, созданная сверху административными методами в качестве инструмента лоббирования законодательных интересов новой российской номенклатуры, представляла собой полномасштабный эксперимент по организационному оформлению в поле российской политики так называемой «партии власти», которая в дальнейшем стала доминирующим фактором избирательного процесса и партийной системы.

Создание движения НДР было частью разработанного в администрации президента более общего проекта по построению сверху двухпартийной системы, о котором президент Б. Ельцин публично заявил в апреле 1995 г.⁴⁹ По этому проекту движение НДР должно было исполнять роль «центристского блока правой руки», а для исполнения роли «центристского блока левой руки» был создан «Блок Ивана Рыбкина» во главе с председателем Государственной Думы первого созыва И. Рыбкиным.

Однако НДР и в целом проект построения сверху двухпартийной системы не оправдали надежды своих создателей – движение НДР получило на выборах всего 10,13%, а «Блок Ивана Рыбкина» вообще не про-

---

⁴⁷ Нисневич Ю.А. Закон и политика. М.: МОО «Открытая Россия», 2005. С. 152–169.

⁴⁸ Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, 2007. С. 274.

⁴⁹ Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволуция. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011. С. 392.

шел в Государственную Думу⁵⁰. При этом Государственная Дума второго созыва оказалась наиболее оппозиционной по отношению к действующей президентской и исполнительной власти среди всех созывов нижней палаты российского парламента.

Также, начиная с выборов 1995 г. в Государственную Думу второго созыва, предпринимательская составляющая российской номенклатуры – отраслевые корпорации и финансово-промышленные группы приступили к «скупке государства» именно с этой палаты российского парламента и стали инкорпорировать лоббистов своих интересов в состав депутатского корпуса. Скупка государства (state capture) определяется как «способность фирм воздействовать на формирование базовых правил игры (т.е. законов, указов, положений и инструкций) посредством незаконных и непрозрачных частных выплат публичным должностным лицам»⁵¹.

Прежде всего, депутаты-лоббисты набирались из кандидатов, избирающихся по одномандатным округам. Для этого организациям, специализирующимся на проведении избирательных кампаний, давался заказ на 20–40 одномандатных округов, в которых избирательные кампании определенных кандидатов заказчик обеспечивал финансовыми и организационными ресурсами. Такие кандидаты выбирались из числа известных в округе политиков, имеющих по результатам предварительного анализа достаточно высокие шансы стать депутатами Государственной Думы и согласных на неофициальные договоренности с заказчиком об отстаивании в перспективе его законодательных интересов в обмен на поддержку в избирательной кампании. В тех избирательных округах, в которых у заказчика имелись собственные «бюджетообразующие» предприятия и существенные административные возможности, осуществлялось выдвижение и собственных кандидатов из состава руководства таких предприятий или аффилированных с ними региональных и местных чиновников.

Кроме того, стала использоваться и такая технология, как включение представителей отраслевых корпораций и финансово-промышленных групп в федеральные списки кандидатов политических партий, а также их выдвижение в качестве партийных кандидатов по одномандатным

---

⁵⁰ Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. С. 345.

⁵¹ Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. World Bank, 2000. Policy Research Working Paper No. 2444. P. 2.

округам в обмен на предоставление партиям финансовой поддержки при проведении избирательной кампании. Технология купли-продажи мест в партийном списке и до настоящего времени в той или иной форме используется всеми российскими партиями для получения финансовых ресурсов на проведение избирательных кампаний и обеспечение деятельности партии в периоды между избирательными циклами.

Таким образом, в депутатском корпусе создавалась платформа для коррупционных отношений в форме «торговли влиянием», когда «политики и высокопоставленные чиновники могут в обмен на тайное финансирование своей политической деятельности «продавать» свое влияние, тем самым деформируя надлежащее функционирование демократической системы, нарушая принцип равенства и выхолащивая принципы, лежащие в основе системы заслуг»⁵².

Важной реперной точкой в процессе становления российской номенклатуры как правящего социального слоя стали президентские выборы 1996 г., в результате которых президент Б. Ельцин был переизбран на второй срок. На этих выборах народно-патриотическому блоку во главе с лидером КПрФ Г. Зюгановым, выражающему интересы консервативной части советской номенклатуры, противостояла новая российская номенклатура уже как «партия власти», «объединившая вокруг действующего президента Б. Ельцина все оттенки российского центризма и значительную часть либерального фланга, а прочим политическим субъектам оставалось только выбирать между этими основными силами»⁵³.

На этих выборах российская номенклатура продемонстрировала не только органически присущую ей конкуренцию составляющих ее институциональную структуру политико-экономических группировок, но и способность таких группировок к временной консолидации перед лицом общей для их господствующего положения угрозы.

Такой гипотетической угрозой был приход к власти консервативной части бывшей советской номенклатуры, находящейся в оппозиции к правящему режиму. Перед лицом этой угрозы наиболее влиятельные номенклатурно-олигархические группы, называемые «семибанкирщиной», в январе 1996 г. в Давосе заключили «водное перемирие», о чем свидетельствует приведенная выше цитата А. Чубайса. Это перемирие,

---

⁵² Best Practices in Combating Corruption. 2004. Office of Economic and Environmental Activities OSCE. P. 26 <<http://www.pogar.org/publications/other/unpan/combating-corruption-UNPAN019187.pdf>>.

⁵³ Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. С. 351.

как и рассчитывал его организатор А. Чубайс, было во многом стимулировано тем, что участвовавшие в залоговых аукционах «банки оказались заложниками исхода выборов» в том смысле, что гипотетически в случае победы Г. Зюганова предприятия, которые по договору залога должны были перейти в их собственность, могли им не достаться.

«Водное перемирие» действительно сыграло существенную роль в переизбрании президента Б. Ельцина на второй срок, так как позволило задействовать для его поддержки существенные финансовые и медийные ресурсы, которыми располагала «семибанкирщина». В частности, для проведения широкомасштабной агитационной кампании «Голосуй, или проиграешь», в реализации которой были использованы «многомиллионные вложения и машина безграничных манипуляций общественным мнением»⁵⁴.

После избирательного цикла парламентских и президентских выборов 1995–1996 гг. на фоне возобновившейся с новой силой после окончания «водного перемирия» борьбы номенклатурно-олигархических группировок за власть и ресурсы интенсифицировался процесс скупки ими государства и инкорпорации их представителей в структуры российской государственной власти. Наиболее известные примеры такого инкорпорирования – первый заместитель председателя правительства России В. Потанин (1996–1997), заместитель секретаря Совета безопасности России Б. Березовский (1996–1997).

Такой скупке государства олигархами, которые считали, что за их поддержку президента Б. Ельцина на президентских выборах 1996 г. им причитаются дополнительные экономические преференции, пытались противостоять «молодые реформаторы». Команда «молодых реформаторов» во главе с А. Чубайсом, которого президент Б. Ельцин характеризовал как «самого либерального большевика», рыночника по мировоззрению, но абсолютного большевика по темпераменту и подходу, была включена в правительство В. Черномырдина в марте 1997 г.⁵⁵ Росту не только экономических, но и политических appetitов олигархов, как представляется, способствовали специфические, мягко говоря, результаты залоговых

---

⁵⁴ Ходорковский М.Б. «Левый поворот» // Ведомости. 2005. 1 августа <<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2005/08/01/95305>>.

⁵⁵ Ельцин Б.Н. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: АСТ, 2000. С. 80–112; Молодые реформаторы: вторая волна реформ в России (1997–98 годы) // Образовательный проект «Твоя история» <http://history4you.ru/lessons/social-economy/show-lesson/-/asset_publisher/sqcu6oPUQ1B7/content/id/23246>.

аукционов и привлечение олигархов к финансированию и информационной поддержке избирательной кампании президента Б. Ельцина, к чему сами «молодые реформаторы» не в малой степени приложили руку.

Противостояние «молодых реформаторов» и олигархов летом – осенью 1997 г. вылилось в публичный конфликт, вызванный аукционом по продаже государственного пакета акций компании «Связьинвест» – крупнейшей телекоммуникационной компании России. Те олигархи, которые оказались недовольны итогами этого аукциона, начали информационную войну против «молодых реформаторов», обвиняя их в некомпетентности и раскручивая якобы коррупционный скандал вокруг так называемого «книжного дела»⁵⁶. В результате инспирированного олигархами скандала «молодые реформаторы» утратили свои позиции и, существенным образом, влияние в правительстве. Эта история стала еще одним свидетельством усиливающегося влияния номенклатурно-олигархических группировок российской номенклатуры на управление делами государства и возрастания слияния бизнеса и власти. Эту тенденцию президент Б. Ельцин осознал не сразу, но позже признал как серьезную угрозу: «Я не сразу осознал масштаб этого явления и всю его опасность. Да, в политику вступили большие деньги. Именно эти “политические” деньги представляют сейчас серьезную угрозу для развития России. Уже не коммунисты, не гражданская война или смута, не местный сепаратизм, не наши доморожденные наполеоны в генеральских погонах – а большие деньги, которые пожирают друг друга и заодно сносят всю политическую конструкцию, выстроенную с таким трудом. ... Новые, неожиданно возникшие в тихих банковских офисах нелегитимные центры власти, центры влияния на политику, грозили сильно изменить всю конфигурацию гражданского общества. Демократические ценности нельзя продавать и покупать, но из-за привычки влиять на политику всеми способами многие посчитали, что именно так можно и нужно делать. Все это было довольно горько осознавать...»⁵⁷.

Конфликт между «молодыми реформаторами» и олигархами можно рассматривать как одну из последних попыток противостоять оконча-

---

⁵⁶ В ноябре 1997 г. средства массовой информации, принадлежавшие олигархам, стали распространять информацию о том, что некоторым правительственным чиновникам, в том числе А. Чубайсу, были даны взятки в виде гонорара по 90 тыс. долл. за неизданную книгу о российской приватизации. Речь шла об используемой в данной работе книге «Приватизация по-русски», которая была издана в 1999 г. и гонорары за которую ее авторы, по их утверждению, в основном перечислили в благотворительные фонды.

⁵⁷ Ельцин Б.Н. Президентский марафон. С. 104–105.

тельному становлению окрепшей номенклатуры как правящего социального слоя со стороны тех немногих в высших эшелонах российской власти, кто еще хотел это предотвратить. Но и это противостояние закончилось в пользу номенклатуры.

Основную проблему для консолидации российской номенклатуры в период президентства Б. Ельцина представляла, прежде всего, социально-экономическая нестабильность. Такая нестабильность во многом определялась таким значимым для остающейся по-прежнему сырьевой России фактором, как предельно низкие цены на нефть и другие энергоносители на мировых рынках и стимулировалась конкуренцией номенклатурно-олигархических группировок, которая «стоила нам двух жесточайших правительственных кризисов и, возможно, одного финансового»⁵⁸, а именно дефолта в августе 1998 г.

Дефолт 1998 г.⁵⁹ заметно ускорил развитие наметившихся сразу после президентских выборов 1996 г. тенденций в становлении российской номенклатуры как правящего социального, которые выражались в следующем.

Во-первых, после поражения на президентских выборах лидера КПрФ Г. Зюганова ресурс публичной политической борьбы у традиционалистски настроенной части бывшей советской номенклатуры стал заметно иссякать, и она перестала представлять реальную угрозу для правящего режима как самостоятельный претендент на власть. Осознав такую ситуацию, эта часть бывшей советской номенклатуры стала отказываться от публичной политической конфронтации с правящим режимом. Многие ее представители избрали другой, более свойственный номенклатурной среде путь реванша, и начали интегрироваться в социально близкую ей новую российскую номенклатуру. Особенно после дефолта 1998 г. приток бывших советских номенклатурных кадров в структуры российской государственной власти заметно интенсифицировался. Такой компромисс был обоюдно выгоден обеим сторонам, так как он способствовал расширению и укреплению российской номенклатуры и одновременно повышению социальной однородности, а следовательно, и стабильности правящего режима.

---

⁵⁸ Ельцин Б.Н. Президентский марафон. С. 108.

⁵⁹ «Кульбит» 1998 г.: как Борис Ельцин и правительство проиграли законам экономики // Forbes. 2013. 14 октября <<http://www.forbes.ru/sobytiya/obshchestvo/246059-kulbit-1998-goda-kak-eltsin-i-pravitelstvo-borolis-s-zakonami-ekonomiki>>.

Во-вторых, правящий режим начал постепенно восстанавливать нарушенное в ходе революционных процессов равновесие между тремя опорными механизмами государства – государственным аппаратом, армией и службами внутренней безопасности.

Прогрессистски настроенная часть советской государственной бюрократии являлась одной из основных движущих сил номенклатурно-демократической революции, а армия и службы безопасности, хотя и придерживались преимущественно традиционалистских взглядов, тем не менее старались в целом сохранить нейтральную позицию в революционном противостоянии. Они вмешивались только в предельно критических ситуациях, стараясь при этом, к счастью, минимизировать свое активное участие в таких ситуациях. Поэтому государственный аппарат в силу такой логики развития политических процессов объективно оказался в постреволюционной России в доминирующем положении по отношению к армии и службам безопасности. При этом военные, сотрудники милиции и спецслужб существенно потеряли в своем материальном и социальном положении, что, естественно, вызывало их недовольство. Это недовольство заметно усилилось и обострилось после того, как практически все силовые структуры были втянуты в чеченскую войну и стали нести существенные людские потери. Для того чтобы переломить такую ситуацию, грозящую дестабилизировать государство, правящий режим взял курс на укрепление и материальную поддержку силовых структур. Эту тенденцию в трансформации правящего режима отметил трагически погибший депутат Государственной Думы первых трех созывов В. Головлев при анализе бюджетного процесса в Государственной Думе второго созыва (1995–1999)⁶⁰.

В-третьих, при поддержке части новой российской номенклатуры начался процесс активного вхождения «людей в погонах» (которые не бывают «бывшими») в органы российской государственной власти на федеральном и региональном уровне, а следовательно, и в правящую номенклатурную среду. Наиболее ярким примером такого процесса являются политические карьеры генералов А. Лебеда и Л. Рохлина. При этом интенсифицировалось и внедрение силовых структур, прежде всего милиции и спецслужб, в экономическую сферу как контролирующих орга-

---

⁶⁰ Головлев В.И., Нефедова Т.И. Государственная Дума второго созыва: роль и место в политическом переломе. М., 2000. С. 129–139.

нов, охранных служб и неофициальных «крыш» субъектов экономической деятельности.

В логике именно этих тенденций лежат последовательные назначения на должность председателя правительства России после дефолта 1998 г. в качестве «кастинга на роль приемника» представителей силовых структур Е. Примакова, С. Степашина, В. Путина и выбор последнего в качестве преемника президента Б. Ельцина.

Успех операции «преемник», в результате которой в 2000 г. президентом России стал В. Путин, во многом определился тем, что эта фигура в полной мере соответствовала тенденции «советизации» правящего политического режима и российской номенклатуры с одновременным усилением ее силовой составляющей и отвечала ставшему доминирующим в российском обществе постреволюционному ожиданию стабильности и порядка в их патерналистском понимании.

Операция «преемник» стала ключевым событием в окончательном становлении номенклатурно-олигархического режима как правящего в постсоветской России политического режима и российской номенклатуры как господствующего социального слоя. Эта операция как политический прецедент и ее результат стали, как представляется, наиболее опасным для судьбы российского государства политическим наследием президента Б. Ельцина.

На выборах 2000 г. впервые произошла смена персоналии на должности президента России, но при этом не произошла смена политико-социального представительства в институте президентской власти, и этот институт оформился как ключевой институциональный форпост правящего номенклатурно-олигархического режима и осуществляющей этот режим российской номенклатуры.

Российская номенклатура к концу срока президентских полномочий Б. Ельцина сформировалась как правящий социальный слой в результате слияния в единое целое значительной части государственной бюрократии, большинство в которой составляли выходцы из советской партийно-хозяйственной номенклатуры, и находящихся на особо привилегированном положении в российской экономике «назначенных собственников». Она представляла собой прямую наследницу номенклатуры советской, так как среди ее государственно-бюрократической составляющей насчитывалось 77% выходцев из советской номенклатуры, а среди ее экономической составляющей таких был 41% и при этом среди 59% неноменклатурных предпринимателей значительную часть состав-

ляли выходцы из номенклатурных семей и «уполномоченные» номенклатурно-олигархических группировок⁶¹.

При этом ни номенклатура советская, ни ее наследница – номенклатура российская ни по механизму своего формирования, ни по своим онтологическим свойствам меритократической (ценностной) элитой не являлась и не является. А использование в отношении этой правящей социальной группы понятия «элита» даже в альтиметрическом смысле (кто «наверху» правит, тот и элита) создает ей незаслуженный ореол исключительности и избранности и в определенной мере обосновывает ее правление и доминирующее положение в обществе. Как справедливо отмечает Н. Лапина, «сегодня у власти в России находятся люди, не являющиеся стратегически мыслящей элитой. Идеология у них отсутствует, но есть определенная политическая риторика, заявления о приверженности великодержавности и сильному государству, которое они понимают в собственных интересах как перераспределение собственности и власти...»⁶².

Такому постреволюционному развитию ситуации с политической и государственной властью во многом способствовало состояние российского общества, которое, как представляется, определил социальный феномен, подобный феномену «восстание масс» как его описал Х. Ортега-и-Гассет⁶³. В результате революционных событий начала 90-х годов была разрушена советская социальная иерархия, на вершине которой стояла господствующая советская номенклатура, и возникла возможность того, чтобы «вся власть в обществе перешла к массам», к российским гражданам, освободившимся от оков советской системы. Масса социальной энергии вырвалась наружу, но, как и предупреждал Х. Ортега-и-Гассет, эта энергия, не будучи еще достаточно упорядоченной в целях поступательного развития, обладала как созидательным, так и разрушительным потенциалом. Предостерегая от возможных негативных последствий «восстания масс», Х. Ортега-и-Гассет писал: «Культурная и моральная неподготовленность человека массы к его новой роли и функциям, его стремление к удовлетворению своих appetitов и вожделиний любыми средствами грозит разрушением всего того, что подняло его на качественно

---

⁶¹ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 318.

⁶² Лапина Н.Ю. В России отсутствует стратегически мыслящая элита // Социально-политические процессы и экономическое состояние России: материалы научного семинара. Вып. № 1. М.: Научный эксперт, 2005. С. 45.

⁶³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3, 4.

новый социальный уровень и расширило его жизненные возможности. ... Массы знают, что когда им что-либо не нравится или чего-нибудь сильно захочется, они могут достигнуть всего без усилий и сомнений, без борьбы и риска: им достаточно нажать кнопку, и чудодейственная машина государства тотчас сделает, что нужно. Эта легкая возможность всегда представляет для масс сильное искушение»⁶⁴. К сожалению, зараженное идеями советского этатизма, квинтэссенция которых выражается формулой Б. Муссолини «все для государства, ничего кроме государства, ничего против государства», российское общество пошло по пути формирования массового общества, которое создает социальную основу для тотального проникновения патерналистского государства во все сферы жизни социума. Этим умело воспользовалась новая старая номенклатура, которая вернула себе политическую и государственную власть.

Российская номенклатура сегодня: захват государства

Приход к власти генетически связанного со спецслужбами президента В. Путина в полном соответствии с номенклатурным nepoтизмом, подбором и расстановкой кадров по критерию личной преданности привел к резкому усилению притока «людей в погонах». И прежде всего, представителей бывших советских спецслужб (КГБ, ГРУ и другие) и связанных с ними людей во все структуры государственной власти на федеральном и региональном уровне. Эта тенденция, как уже отмечалось, наблюдалась в течение всего процесса становления номенклатурно-олигархического режима и российской номенклатуры как правящего социального слоя. Присутствие «людей в погонах» в органах государственной власти после прихода к власти команды, возглавляемой президентом В. Путиным, по сравнению с 1988 г. увеличилось почти в 7 раз, а в высшем руководстве государства – почти в 12 раз⁶⁵. Так, при М. Горбачеве в 1988 г. их доля составляла 3,7%, при президенте Б. Ельцине увеличилась сначала до 11,2% в 1993 г., а затем до 17,4% в 1999 г., и при президенте

---

⁶⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. № 4. С. 124.

⁶⁵ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. С. 270.

В. Путине достигла почти 25%, причем в высшем руководстве государства увеличилась до 70%.

Эту тенденцию в определенной мере можно рассматривать как процесс восстановления прежних силовых стабилизаторов советской номенклатуры по модели М. Восленского, но уже в виде некой опорной конструкции внутри самого тела российской номенклатуры. Однако далеко не все политико-экономические группировки российской номенклатуры готовы безропотно подчиняться «силовой стабилизации». Это, как показывает современная российская практика, приводит к обострению номенклатурной клановой борьбы, которая выражается, в частности, в достаточно известном и публичном противостоянии между так называемыми «либералами» и «силовиками». При этом и между группировками самих «стабилизаторов», которые опираются на разные силовые ведомства (Федеральная служба безопасности, Федеральная служба охраны, Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Генеральная прокуратура, Следственный комитет и другие), согласия тоже нет. Между этими группировками происходит достаточно жесткая борьба за влияние на различные сферы российской экономики и государственной политики.

Президент В. Путин сделал опору на силовую составляющую российской номенклатуры и, прежде всего, на представителей бывших советских и действующих российских спецслужб, полагая, что только таким образом он сможет обеспечить стабильность власти. Но фактически опора на спецслужбы скорее способствует дестабилизации власти, еще большему нарушению необходимого равновесия между тремя опорными механизмами государства – государственным аппаратом, армией и службами безопасности, которые перестали четко и добросовестно выполнять государственные функции и профессиональные обязанности. Спецслужбы в ущерб профессиональному выполнению государственных обязанностей по обеспечению безопасности граждан и государства, конкурируя друг с другом, вмешиваются в работу государственного аппарата и экономическую сферу, незаконно «патронируя» предпринимательские структуры и участвуя в предпринимательской деятельности. При этом они уже не только «под ковром», но и публично выясняют отношения друг с другом. Об этом явно свидетельствует открытое письмо на тот момент директора Федеральной службы контроля за оборотом наркотиков В. Черкесова (в прошлом генерал КГБ СССР) о «междоусобице

спецслужб» и роли «чекизма» в современной России⁶⁶, а также обращение арестованного сотрудника этого же ведомства генерала А. Бульбова⁶⁷, в котором утверждается, что его уголовное преследование инспирировано сотрудниками ФСБ. Еще одним наглядным примером противостояния на этот раз Генеральной прокуратуры и Следственного комитета может служить так называемое «игорное дело» подмосковных прокуроров⁶⁸.

Следует также отметить, что увеличение притока «людей в погонах» в органы государственной власти при президенте В. Путине привело к «деинтеллектуализации» и «провинциализации» руководства государства⁶⁹. Так, доля лиц, имеющих ученую степень, уменьшилась более чем в 2 раза с 52,3% при президенте Б. Ельцине в 1993 г. до 20,9% при президенте В. Путине в 2002 г., а соответственно доля выходцев из сельской местности увеличилась с 23,1% до 31%.

При этом сегодня в правящей номенклатуре стало престижно и модно, так же как иметь дом на Рублевском шоссе, иметь ученую степень и звание. Однако это не способствует «интеллектуализации» руководства государства потому, что многие так называемые «диссертации», которые защищают государственные деятели, имеют мало общего с интеллектуальной научной работой и во многом являются примитивным плагиатом. Это подтверждают исследования, проводимые по проекту «Диссернет»⁷⁰.

Но наиболее закономерными тенденциями, подтверждающими продолжившуюся при президенте В. Путине «скупку» государства номенклатурно-олигархическими группировками, представляются увеличение в 7 раз доли ставленников финансово-промышленных групп в органах государственной власти, несмотря на все публичные заявления президента о «необходимости отделения власти от бизнеса», и увеличение почти в 2 раза представительства во власти земляков (соучеников и сослуживцев) главы государства. Так, доля ставленников финансово-

---

⁶⁶ Черкесов В. «Нельзя допустить, чтобы войны превратились в торговцев» // «Коммерсантъ». 2007. 9 октября. № 184 (3760).

⁶⁷ Никольский А., Преображенский И. Бульбов сидит, скандал растет // Ведомости. 2007. 1 ноября. № 207 (1981).

⁶⁸ Дело о подмосковных казино. Весь сюжет // Российская газета <<http://www.rg.ru/sujet/4362/>>.

⁶⁹ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 269.

⁷⁰ Вольное сетевое сообщество «Диссернет» <www.dissnet.org>.

промышленных групп увеличилась с 1,6% при президенте Б. Ельцине в 1993 г. до 11,3% при президенте В. Путине в 2002 г., а соответственно доля их земляков – с 13,2% до 21,3%⁷¹.

Приток в органы государственной власти в принципе нечуждых номенклатурной среде представителей бывших советских спецслужб, хорошо знающих правила и владеющих механизмами жизнедеятельности номенклатуры, но многие из которых не смогли, по их мнению, должным образом поучаствовать в первоначальном разделе власти и собственности, естественным образом привел к обострению борьбы между номенклатурно-олигархическими группировками. С 2000 г. в России начался новый номенклатурный передел власти и собственности под публично декларируемыми президентом В. Путиным популистскими лозунгами об укреплении государства, о равном удалении от власти олигархов, о защите государственных интересов от тех, кто незаконно приобрел собственность или уходил от налогов, о борьбе с коррупцией и другими. Наиболее яркие и публично известные примеры такого номенклатурного передела представляют собой «дело Гусинского» и «дело ЮКОСа», а сотни по сути подобных, но только менее масштабных и потому менее широко известных процессов происходили и происходят как в центре, так и в регионах.

В результате номенклатурного передела произошло видоизменение политико-экономических группировок, ставших доминирующими в правящей российской номенклатуре. Сначала в государственной бюрократии, а затем и в целом в номенклатурно-олигархических группировках лидирующие позиции заняли земляки президента В. Путина из Санкт-Петербурга и его сослуживцы по КГБ СССР, а также тесно связанные с ними бывшие советские номенклатурные кадры. При этом изменилась стилистика номенклатурной конкуренции, так как новым доминирующим группировкам органически свойственны непубличные методы борьбы, которая стала вестись более «кровожадно» – до практически полного уничтожения конкурентов, а все действия стали осуществляться преимущественно как «спецоперации» под тем или иным пропагандистским прикрытием.

Конгломерат стремящихся к доминированию новых номенклатурно-олигархических группировок и удачно мимикрировавших старых вытеснили ту часть старых группировок, которые пытались сохранить свои

---

⁷¹ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 269.

позиции в неизменном виде. При этом с приходом к власти команды, возглавляемой президентом В. Путиным, количество правящих государством номенклатурно-олигархических группировок не только не уменьшилось, но заметно увеличилось и они стали значительно богаче.

Об этом, в частности, свидетельствуют ежегодно публикуемые данные журнала Forbes о количестве российских миллиардеров. Если в 1997 г., когда российские предприниматели впервые попали в список миллиардеров, их было всего четыре (Б. Березовский, М. Ходорковский, В. Алекперов, Р. Вяхирев), а по итогам 2001 г. – семь (М. Ходорковский, В. Потанин, В. Богданов, Р. Вяхирев, Р. Абрамович, В. Алекперов, М. Фридман), то по данным за 2013 г. их стало уже 111, среди которых новые лица (Г. Тимченко, Ю. Ковальчук, А. Ротенберг и другие), но и много знакомых по 90-м годам (А. Усманов, М. Фридман, В. Вексельберг, В. Алекперов, В. Потанин, В. Лисин, А. Мордашев, Р. Абрамович, О. Дерипаска и другие).

Еще одним косвенным свидетельством того, что российской номенклатуре свойственна тенденция к расширению, особенно в своей государственно-бюрократической части, может служить тот факт, что с 2000 г. численность работников государственных органов и органов местного самоуправления увеличилась более чем на треть. Так, в 2000 г. численность таких работников составляла 1163,3 тыс. человек, а в 2012 г. – 1572,2 при максимуме в 1648,4 тыс., который был достигнут в 2010 г.⁷² Для сравнения, численность управленческого аппарата в СССР составляла 663 тыс. человек⁷³. Естественно, что не все работники государственных органов и органов местного самоуправления относятся к правящей номенклатуре, но те, кто составляет верхние эшелоны этой корпорации, в подавляющем большинстве к ней относятся.

Тенденция российской номенклатуры к количественному расширению обусловлена, как представляется, тем, что каждый, кто инкорпорируется в российскую номенклатуру, приводит за собой своих «родных и близких», стремится создать свой хотя бы маленький клан.

Тот факт, что органически присущая номенклатурной среде жесткая конкурентная борьба политико-экономических группировок за власть

---

⁷² Российский статистический ежегодник. 2013 <http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm>.

⁷³ Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис. 2007. № 4. С. 24–45.

и собственность в настоящее время в отличие от периода президентства Б. Ельцина пока не столь существенно дестабилизирует социально-экономическую обстановку, и в стране даже до последнего времени происходил рост ВВП, правда, в основном за счет развития сырьевых и добывающих отраслей, и рост доходов населения, правда, отстающий от роста цен и инфляции, определяется следующим. У правящего режима при президенте В. Путине как результат значительного по уровню и достаточно длительного во времени повышения на мировых рынках цен на нефть и другие энергоносители, которые Россия активно экспортирует во всевозрастающих объемах, появился существенный запас нефтедолларов для социально-экономического балансирования. При этом российская экономика, как в свое время и советская, села на нефтегазовую иглу, а управление страной осуществляется в соответствии с остроумно сформулированным Е. Гайдаром законом: чем выше цены на нефть, тем ниже IQ (показатель умственного развития, уровня имеющихся знаний и осведомленности) правительства.

Однако в результате указанных процессов возрастает социальное расслоение российского общества. Так, только по официальным данным Росстата децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) увеличился с 13,9 в 2000 г. до 16,4 в 2012 г.⁷⁴, а социально взрывоопасным считается превышение этим коэффициентом значений 8–10.

За прошедшие с момента краха советского режима двадцать с лишним лет правящая российская номенклатура естественным образом стала по персональному составу значительно отличаться от номенклатуры советской, но по-прежнему остается ее прямой наследницей. Основным механизмом формирования российской номенклатуры, так же как в свое время советской, служит протекционистский механизм назначения на административно и экономически значимые должности в государственном и негосударственном секторах исходя из критерия личной преданности номенклатурному клану и его лидерам. А основным механизмом вертикальной мобильности в номенклатурной среде – «хождение по трупам», умение во время предать и перейти в тот клан, который становится доминирующим, побеждая в постоянной межклановой борьбе за власть и ресурсы. Даже активно мифологизируемая «чекистская солидарность

---

⁷⁴ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Интерактивная витрина. Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) <<http://cbsd.gks.ru/>>.

и корпоративность» быстро заканчивается, когда дело касается личных корыстных интересов, особенно связанных со значительными финансовыми ресурсами и собственностью.

Основная цель советской номенклатуры – достижение личного материального обогащения и социального превосходства – в еще большей мере присуща номенклатуре российской, но теперь уже в явно выраженной форме финансовых активов и владения собственностью. Поэтому для российской номенклатуры государственная власть также представляет, прежде всего, средство для удовлетворения ее материальных и социальных устремлений, а основу ее жизнедеятельности – использование в личных корыстных интересах должностных полномочий и административного ресурса государственной власти, что, как уже отмечалось, составляет суть институционального механизма коррупции во всем многообразии ее проявлений.

Но есть и существенные отличия правящей российской номенклатуры от номенклатуры советской.

Прежде всего, корыстные материальные и социальные устремления советской номенклатуры не могли и не распространялись за пределы СССР, отгороженного даже от государств социалистического лагеря «нерушимыми границами», а от всего остального мира – «железным занавесом». Лишь непосредственно накануне краха советского режима и распада СССР, когда неизбежность этого стала совершенно очевидной, некоторые наиболее предприимчивые представители советской номенклатуры начали выводить за пределы «горячо любимой родины» подконтрольные им финансовые и материальные ресурсы.

Для российской номенклатуры конечный и самый вожделенный пункт ее корыстных материальных и социальных устремлений – обеспечить роскошную жизнь себе и своим «чадам и домочадцам» в развитых и богатых странах, прежде всего, таких как США и страны Европейского союза. И именно для этого под дымовой завесой лозунгов о патриотизме российская номенклатура во все возрастающих объемах выводит и накапливает финансовые ресурсы за пределами России и скупает там собственность.

Поэтому по классификации правителей М. Олсона⁷⁵ советская номенклатура представляла собой «стационарного бандита», который обирает подвластных не «до нитки», а оставляя им на существование и даже раз-

---

⁷⁵ Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012.

вите, чтобы поддерживать источник своих постоянных доходов. Для решения этой задачи советская номенклатура создала полностью подконтрольную ей иерархическую и жестко централизованную систему формализованных политических и государственных институтов тотального принуждения, контроля и распределения.

А российская номенклатура – это «кочевой бандит», который стремится максимально обобрать население захваченной им страны и уйти из нее. Поэтому российская номенклатура не создает устойчивые формализованные политические и государственные институты, а создает лишь постоянно трансформирующуюся институциональную ширму для прикрытия неформальных, основанных на властном принуждении практик извлечения доходов в свою пользу. Правящая российская номенклатура – это временщик, «ахиллесовой пятой» которого является то, что личные финансовые активы и собственность большинства ее представителей находятся под юрисдикцией других государств. Власти этих государств могут по своему усмотрению замораживать счета и арестовывать собственность российской номенклатуры, используя это в качестве эффективной, как показывает мировая политическая практика последнего времени, меры воздействия на тех, кто сегодня правит Россией.

Принципиально важно и то, что российская номенклатура получила более широкие возможности передавать по наследству не только места в номенклатурной среде, но и захваченные материальные ресурсы и собственность, обучать номенклатурных наследников в зарубежных университетах и использовать их для создания за границей плацдармов и «запасных аэродромов»⁷⁶. Расширение возможностей номенклатурного наследования усиливает отмеченную М. Восленским еще в советской номенклатуре тенденцию к самовоспроизводству⁷⁷.

---

⁷⁶ Дети высших российских чиновников, занимающие высокие посты // РИА «Новости». 2012. 15 августа <<http://ria.ru/spravka/20120815/724193154.html>>; Дети российских чиновников и бизнесменов, занимающие высокие посты // РИА «Новости». 2013. 17 июня <<http://ria.ru/spravka/20130617/943789999.html>>; Жохова А. Родные люди: чем занимаются родственники чиновников // Forbes. 2013. 25 октября <<http://m.forbes.ru/article.php?id=182348>>; Жохова А., Васильев И. Родные люди: чем занимаются родственники чиновников // Forbes. 2014. 27 января <<http://m.forbes.ru/article.php?id=233547>>; Кожевникова Ю. Российские чиновники и бизнесмены покупают своим детям жилье за рубежом // Зарубежная недвижимость. Tranio.ru. 2012. 12 ноября <http://tranio.ru/world/analytics/rossiyskie_chinovniki_i_biznesmeny_pokupayut_svoim_detyam_zhile_za_rubezhom_3254/>.

⁷⁷ Восленский М. Номенклатура. С. 164.

В целом российская номенклатура, как и советская, – это конгломерат постоянно борющихся друг с другом за власть и ресурсы политико-экономических кланов и их группировок. Однако советская номенклатура имела иерархическую, строго централизованную и формально регламентированную конструкцию, которую М. Восленский описал стереометрической моделью в виде конуса с конической же сердцевиной. При этом и инкорпорация в советскую номенклатуру жестко регламентировалась и контролировалась ее внутренним жестким коническим стержнем – монопольно правящей КПСС, что обуславливало преимущественно закрытый характер советской номенклатуры⁷⁸.

В результате номенклатурно-демократической революции из тела номенклатуры был «изъят» внутренний жесткий стержень в виде монопольно правящей партии. В этом смысле партия «Единая Россия», как и любая другая псевдопартийная структура, создаваемая российской номенклатурой, всегда будет качественно отличаться от КПСС. КПСС определяла правила жизнедеятельности правящей номенклатуры и являлась порождающим ее жестким внутренним стержнем, а партия типа «Единая Россия» – это инструмент, созданный и управляемый номенклатурой для законодательного оформления ее интересов и целей в качестве общегосударственных и имитации публичной политической деятельности.

«Изъятие» внутреннего стержня усилило такое онтологическое свойство, присущее еще советской номенклатуре, как инклюзивность, ее способность и стремление проникать во все наиболее политически, экономически и социально значимые как государственные, так и негосударственные институты и структуры с целью подчинения их своему влиянию. Российская номенклатура постоянно стремится к расширению занимаемого ею пространственного объема во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Сегодня представители правящей номенклатуры, их наследники и ставленники заняли ведущие позиции не только во всех акционерных обществах с государственным участием, занимающих монопольное положение в различных секторах российской экономики (Газпром, Роснефть, Аэрофлот, Российские железные дороги и другие), но и в крупных частных компаниях и банках, стала активно проникать в сферы образования, науки и культуры, возглавлять общественные организации и творческие союзы.

---

⁷⁸ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 103–109.

Лишившись жесткой сердцевины, правящая номенклатура превратилась в похожую на кочковатую болотную трясику бугристую массу с множеством разных неравномерно-многоступенчатых выступов, которая, как раковая опухоль, поражает не только государственную бюрократию, но структуры административного управления всех экономически и социально значимых институтов и систем жизнедеятельности общества и государства. Неравномерно-многоступенчатые выступы на поверхности российской номенклатуры соответствуют и повторяют иерархические построения системы государственного управления и других пораженных ее административных систем. При этом внутреннее построение политико-экономических группировок российской номенклатуры может не совпадать с иерархическим построением пораженных ею государственных и иных административных систем, в частности, фактические лидеры таких группировок могут не занимать высокие руководящие должности и находиться вне поля публичности.

Следует отметить, что переход на выражение меркантильных интересов российской номенклатуры непосредственно в форме финансовых активов и частной собственности, т.е. в экономических рыночных формах, и указанная ранее нацеленность на роскошную жизнь за пределами «горячо любимой родины», обуславливают ее существенно большую, чем у советской номенклатуры гибкость в сфере экономики, приспособляемость к рыночным условиям и мировым экономическим порядкам, но исходя, прежде всего, из собственных интересов. С другой стороны, возможностью для каждого представителя правящей номенклатуры создать личный «запасной аэродром» за границей, ее трансформация из «стационарного» в «кочевого бандита» превращает правящих во временщиков, теряющих чувство самосохранения в стремлении любой ценой и любыми средствами как можно больше захватить ресурсов и для этого как можно дольше удерживать власть в своих руках. Поэтому «отскреести» российскую номенклатуру от государственной власти и упразднить изменением социальной структуры общества будет еще сложнее, чем номенклатуру советскую.

С приходом к власти команды, возглавляемой президентом В. Путиным, в процессе регенерации номенклатуры как правящего социального слоя начался переход от «скупки» государства политико-экономическими группировками и формирования все возрастающего конгломерата номенклатурно-олигархических кланов путем слияния номенклатурной

части государственной бюрократии и «назначенных собственников» к коррупционному захвату государства этими кланами.

Захват государства представляет собой высшую системную форму коррупции, при которой государственная власть приватизируется правящими политико-экономическими группировками и все властно-принудительные полномочия и виды административного ресурса государственной власти направляются на захват природных ресурсов и земли, основных потоков финансовых средств, государственной и частной собственности и имущества, самых прибыльных экономических агентов, как в государственном, так и в частном секторе, а также наиболее влиятельных средств массового распространения информации для их использования в целях материального обогащения членов правящих группировок⁷⁹.

Именно коррупционный захват государства составлял суть первоочередного политического проекта В. Путина, провозглашенного им сразу же после вступления в должность президента России, – проекта построения «вертикали власти»⁸⁰. Реализация этого проекта проводилась по стандартной схеме захвата государства, который начинается с приватизации государственной власти⁸¹. В полном соответствии с этой схемой приватизация государственной власти была осуществлена посредством номенклатурной расстановки кадров на все политически и административно значимые должности в государственном аппарате, судебной и правоохранительной системах, в спецслужбах и вооруженных силах, чтобы взять систему государственной власти и управления под тотальный контроль. Аналогично номенклатурным образом были проведены назначения в руководящие органы как государственных и находящихся под контролем государства корпораций, компаний и банков с целью взять под контроль финансовые потоки, так и СМИ – с целью взять под контроль информационное пространство страны. Параллельно, посредством злоупотреблений законодательным ресурсом, стал с ускорением раскручиваться маховик политической коррупции. Законодательство «совершенствовалось» с целью ограничения политической конкуренции, возмож-

---

⁷⁹ Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. С. 116–117.

⁸⁰ Телевизионное обращение к гражданам России Президента В. Путина 17 мая 2000 г. Официальный сайт Президента России <www.kremlin.ru>.

⁸¹ Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. С. 118–119.

ностей для легальной деятельности оппозиции и создания условий для доминирования псевдопартийного инструмента правящей номенклатуры в поле политики и, прежде всего, в процессах выборов на всех уровнях государственной и местной власти.

В результате реализации проекта построения «вертикали власти» в качестве правящего в постсоветской России политического режима окончательно сформировался авторитарный режим корпоративного типа, основой функционирования которого служит политическая и экономическая коррупция, а господствующим социальным слоем стала российская номенклатура, уходящая корнями в номенклатуру советскую.

Сердцевину правящего политического режима составляет суперпрезидентский государственный режим, для построения которого были деформированы конституционные модели политических и государственных институтов, установленные Конституцией 1993 г. Такие деформации были проведены целенаправленно для того, чтобы перераспределить государственно-властные полномочия в вертикальную иерархию, которая схематично может быть описана следующей конической моделью.

Такая модель включает внутренний, максимально изолированный от политического и гражданского контроля граждан конусообразный стержень исполнительной власти. Этот стержень от контроля общества ограждает внешняя оболочка, состоящая из двух слоев – защитного и демпфирующего, которые образуют судебная и законодательная власть.

На вершине всей иерархической пирамиды государственной власти и ее внутреннего конического стержня исполнительной власти располагается институт президентской власти, который полностью доминирует в системе государственной власти и концентрирует у себя основные государственно-властные полномочия. Ниже по внутреннему стержню располагается лишенное статуса самостоятельного политического института правительство со всей иерархической системой подчиненных ему федеральных органов исполнительной власти, которая пронизывает ткань государства вплоть до регионального и местного уровня, причем наиболее глубоко вертикально интегрированными структурами подчиненных не столько правительству, сколько напрямую президенту силовых ведомств.

Нижний уровень иерархической пирамиды государственной власти составляют пирамиды региональной власти, выстроенные по конструкции подобной конструкции федеральной власти. Для того чтобы обеспечить сквозную вертикализацию, упрочить и консолидировать под еди-

ноначалием института президентской власти, прежде всего, стержневую исполнительную власть, и был заменен демократический механизм всеобщих выборов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на механизм фактического назначения этого лица непосредственно президентом России. Однако в результате такой сквозной вертикализации конический стержень исполнительной власти, на котором сегодня строится и держится вся вертикальная иерархия государственной власти постсоветской России, стал предельно хрупким и не способным эффективно реагировать на любые непредвиденные социальные, экономические и политические возмущения, природные и техногенные катаклизмы. Это обусловлено нисходящим по такой вертикали повышением степени безответственности и уровня некомпетентности, так как за все отвечает и все решает вышестоящая власть.

В такой вертикально централизованной системе государственной власти судебной и законодательной ветвям власти предназначено выполнять не самостоятельные, а обслуживающие функции.

Российская судебная система во главе с высшими судебными инстанциями находится в прямой зависимости и под контролем, прежде всего, президентской власти, а также исполнительной власти, как на федеральном, так и на региональном уровне. Она подвержена систематическим номенклатурным изменениям ее кадрового состава, особенно на уровне руководства судебных инстанций. Поэтому российские суды всех уровней сегодня не способны исполнять роль реально независимого арбитра. Многие судебные решения принимаются исходя не из права и действующего законодательства, а в соответствии с «политической целесообразностью» и по «телефонному праву». Судебная власть активно используется как в борьбе номенклатурно-олигархических группировок, так и в качестве защитного слоя, ограждающего президентскую и исполнительную власть от социальных и политических протестов.

Законодательная власть утратила как на федеральном, так и на региональном уровне характер всенародного представительства и лишена реальных властных полномочий по формированию законодательной базы государства и по контролю деятельности других ветвей и органов власти. Ее основная законодательная функция трансформирована во вспомогательную функцию процессуального оформления в виде законов решений президентской и исполнительной власти, а контрольная функция – в инструмент номенклатурной борьбы. Основной функцией законодательной власти стала имитация электоральной демократии,

возможности реализации российскими гражданами их конституционно-го права на осуществление своей власти и участие в управлении делами государства через выборные органы государственной власти, т.е. демпфирование их политической активности. Для того чтобы ткань самого внешнего демпфирующего слоя, образуемого законодательной властью, была прочной и не имела разрывов, через которые к власти может прорваться политическая оппозиция, правящая номенклатура использует псевдопартийный инструмент – партию «Единая Россия», которой административными методами обеспечивается доминирующее положение в партийной системе и избирательном процессе.

При этом следует отметить, что защитный слой, создаваемый судебной властью, и демпфирующий слой, создаваемый законодательной властью, при нынешнем состоянии этих ветвей государственной власти являются проницаемыми как, естественно, для правящих, так и для стремящихся к власти номенклатурно-олигархических группировок.

Построение вертикальной иерархии государственной власти неизбежно приводит к деформации местного самоуправления, так как вертикальная власть не может не пронизывать все тело государства вплоть до местных сообществ. При сохранении автономного и децентрализованного местного самоуправления вертикаль государственной власти осталась бы без органически необходимой ей жесткой опоры на самом массовом административно-территориальном уровне – уровне городских и сельских поселений.

Заключение

После революционных событий начала 90-х годов XX в. достаточно быстро началась регенерация номенклатуры как правящего социального слоя, чему способствовали как просчеты тех политиков, которые пришли к власти на революционной волне, так и такой социальный феномен, как «восстание советских масс». Процесс регенерации номенклатуры как правящего социального слоя начался со «скупки государства», которая существенно интенсифицировалась в период второго срока президентских полномочий Б. Ельцина, а с приходом к власти команды, возглавляемой президентом В. Путиным, номенклатура осуществила коррупционной «захват государства», реализовав проект построения «вер-

тикали власти». Сегодня постсоветской Россией правит российская номенклатура, которая, хотя и имеет некоторые достаточно существенные отличия от номенклатуры советской, но является ее прямой наследницей.

При этом выстроенная правящей российской номенклатурой вертикальная иерархия политической и государственной власти постоянно демонстрирует свою неспособность устойчиво управлять делами государства и не является монолитной. Данный факт обусловлен тем, что выстроенную в виде вертикальной иерархии власть реализует лишенная внутренней иерархии и жесткости, тинообразная номенклатура, а постоянные конфликты и столкновения интересов конкурирующих за власть и ресурсы номенклатурно-олигархических группировок раскалывают власть и по горизонтали, и по вертикали.

Поэтому архитекторы «вертикали власти» и вынуждены постоянно придумывать все новые и новые административные подпорки для укрепления такой конструкции и для этого продолжают деформировать конституционные политические и государственные институты. Однако применение органически присущих авторитарному политическому режиму административных методов не приводит к повышению монолитности, устойчивости и дееспособности вертикально централизованной системы власти, а лишь способствует ее номенклатурному разбуханию.

Литература

Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ, 2003.

Вебер М. Политика как призвание и как профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 643–706.

Вольное сетевое сообщество «Диссернет» <www.dissernet.org>.

Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005.

Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.

Гайдар Е. Чубайс А. Развилки новейшей российской истории. СПб.: Норма, 2011.

Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис. 2007. № 4. С. 24–45.

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 58–103.

Головлев В.И., Нефедова Т.И. Государственная Дума второго созыва: роль и место в политическом переломе. М., 2000.

Дело о подмосковных казино. Весь сюжет // Российская газета <<http://www.rg.ru/sujet/4362/>>.

Дети высших российских чиновников, занимающие высокие посты // РИА «Новости». 2012. 15 августа <<http://ria.ru/spravka/20120815/724193154.html>>.

Дети российских чиновников и бизнесменов, занимающие высокие посты // РИА «Новости». 2013. 17 июня <<http://ria.ru/spravka/20130617/943789999.html>>.

Джилас М. Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.

Ельцин Б.Н. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: АСТ, 2000.

Жирнов Е. Преступная деятельность судебных работников // Коммерсантъ Власть. 2009. № 45 (849). 16 ноября <<http://www.kommersant.ru/doc/1269865>>.

Жохова А. Родные люди: чем занимаются родственники чиновников // Forbes. 2013. 25 октября <<http://m.forbes.ru/article.php?id=182348>>.

Жохова А., Васильев И. Родные люди: чем занимаются родственники чиновников // Forbes. 2014. 27 января <<http://m.forbes.ru/article.php?id=233547>>.

Кара-Мурза А.А. Первый советолог русской эмиграции: Семен Осипович Португейс (1880–1944). М.: Генезис, 2006.

Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005.

Кожевникова Ю. Российские чиновники и бизнесмены покупают своим детям жилье за рубежом // Зарубежная недвижимость. Tranio.ru. 2012. 12 ноября <http://tranio.ru/world/analytics/rossiyskie_chinovniki_i_biznesmeny_pokupayut_svoim_detyam_zhile_za_rubezhom_3254/>.

Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, 2007.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

«Кульбит» 1998 года: как Борис Ельцин и правительство проиграли законам экономики // *Forbes*. 2013. 14 октября <<http://www.forbes.ru/sobytiya/obshchestvo/246059-kulbit-1998-goda-kak-eltsin-i-pravitelstvo-borolis-s-zakonami-ekonomiki>>.

Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволуция. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011.

Лапина Н.Ю. В России отсутствует стратегически мыслящая элита // Социально-политические процессы и экономическое состояние России. Материалы научного семинара. Вып. № 1. М.: Научный эксперт, 2005.

Леденева А.В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блага в постсоветском обществе // *Мир России*. 1997. № 2. С. 89–106.

Молодые реформаторы: вторая волна реформ в России (1997–98 гг.) // Образовательный проект «Твоя история» <http://history4you.ru/lessons/social-economy/show-lesson/-/asset_publisher/sqcu6oPUQ1B7/content/id/23246>.

Найшуль В.А. Революция и справедливость. М.: ОГИ, 2005.

Никольский А., Преображенский И. Бульбов сидит, скандал растет // *Ведомости*. 2007. 1 ноября. № 207 (1981).

Нисневич Ю.А. Вертикаль никуда. Очерки политической истории России 1991–2008. М.: Аспект Пресс, 2010.

Нисневич Ю.А. Государственная информационная политика России сегодня и завтра // *Информационное общество*. 1999. № 2. С. 4–9.

Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. М.: КНОРУС, 2012.

Нисневич Ю.А. Закон и политика. М.: МОО Открытая Россия, 2005.

Нисневич Ю.А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // *Полис*. 2013. № 1. С. 100–111.

Нисневич Ю.А. Роль конкуренции в обеспечении социально-политической стабильности и подавлении коррупции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология*. 2009. № 3. С. 3–17.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.

Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3, 4. Приватизация по-русски / колл. авт. М.: Вагриус, 1999.

Российский статистический ежегодник. 2013 <http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm>.

Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. 1993. № 2. С. 80–89.

Телевизионное обращение к гражданам России Президента В. Путина 17 мая 2000 г. Официальный сайт Президента России <www.kremlin.ru>.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Интерактивная витрина. Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) <<http://cbstd.gks.ru/>>.

Ходорковский М.Б. «Левый поворот» // Ведомости. 2005. 1 августа <<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2005/08/01/95305>>.

Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // «Коммерсантъ». 2007. 9 октября. № 184 (3760).

Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2012.

Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк, 2003.

Best Practices in Combating Corruption. 2004. Office of Economic and Environmental Activities OSCE. P. 26 <<http://www.pogar.org/publications/other/unpan/combating-corruption-UNPAN019187.pdf>>.

Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. World Bank, 2000. Policy Research Working Paper No. 2444.

Ledeneva Alena V. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge University Press, 2013.

Micro Robert. Dictionnaire du français primordial, 1980.

Nisnevich, Yuliy A.

Regeneration of the Nomenclature as a Ruling Social Order [Text] : Working paper WP14/2015/03 / Y. A. Nisnevich ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2015. (Series WP14 “Political Theory and Political Analysis”). – 56 p. – 75 copies. (In Russian.)

Soviet and communist regime was broken up in the beginning of the 1990s. The collapse of the USSR and the creation of the new Russian – post soviet – state had some revolutionary ideas. According to the contemporary revolutionary theory those events were aimed not only at the transformation of political and government institutions, but also at the new explanation of political power in the conditions of the new social structure.

In order to estimate the results of the revolution it is necessary to define what the ruling class is and what kind of changes had happened. Could we fix the real changes of the ruling class or it is just the misunderstanding of the analyzed concept?

The results of the research showed that contemporary Russian political elite differs from the soviet elite in a set of principles, but nevertheless, it stays to be the direct successor of the soviet nomenclature.

Key words: elites, nomenclature, soviet and post-soviet experience, ruling class

Препринт WP14/2015/03
Серия WP14
Политическая теория
и политический анализ

Нисневич Юлий Анатольевич

**Регенерация номенклатуры
как правящего социального строя**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики” с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 75 экз. Уч.-изд. л. 3,4
Усл. печ. л. 3,3. Заказ № . Изд. № 1928

Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”